

Виолетта Орлова

ИМПЕРИЯ РЫБЫ ФУГУ

Виолетта Орлова
Империя Рыбы Фугу

«Автор»

2026

Орлова В.

Империя Рыбы Фугу / В. Орлова — «Автор», 2026

Мир, затопленный водой и мусором. Договор, положивший начало всеобщей ненависти. Крушение всех надежд. И только грязная, вонючая тряпка не даст тебе пойти ко дну. Эрик с самого детства понял: люди протухли насквозь, как и мусорный мир, в котором он живет. Как уцелеть в нем, если не хочешь играть по его жестоким правилам? Как сохранить верность своим идеалам? Морские приключения, схватки с пиратами, таинственный манускрипт, от которого зависит судьба всего живого и, конечно, дружба, способная преодолеть любые невзгоды! Расправь паруса и да минуют твой корабль мусорные рифы!

© Орлова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дельфины появляются – буря приближается	6
Глава 2. Даже устрица имеет врагов	11
Глава 3. Труда не приложишь, коралл не достанешь	15
Глава 4. От одного краба в море тесно не станет	18
Глава 5. Где чистая вода, там и рыба чистая	22
Глава 6. У моря много лиц и все разные	28
Глава 7. Что в море попало, то пропало	33
Глава 8. Крысы, что живут на корабле, не ищут еду на земле	37
Глава 9. Лови рыбу – удочкой, а сирену – дудочкой	40
Глава 10. Кто ловит, тот поймает	46
Глава 11. Рыбака по лодке узнают	52
Глава 12. День ремонта кормит месяц промысла	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виолетта Орлова

Империя Рыбы Фугу

*Посвящаю эту книгу
своим настоящим друзьям.
Тем, кто всегда рядом.
Тем, кто идет со мной до конца.
Сердечное спасибо вам.*

Глава 1. Дельфины появляются – буря приближается

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о дельфинах? Это семейство морских млекопитающих, их детеныши рождаются хвостом вперед. Во время сна дельфины закрывают только один глаз. Дышат легкими, а не жабрами. Их кожа обновляется каждые несколько часов. Не живут в одиночестве, питаются рыбой и ракообразными.

Эрик гордо восседал на носу новенькой шлюпки: обласканный вниманием добродушных матросов, ободряюще свистевших с палубы, одетый на порядок лучше рядовых моряков, хозяин собственного вельбота¹, названного в его честь, бедняга никак не мог вообразить, что уже завтра, давясь собственной кровью и слезами, он будет вести беседы с половой тряпкой. Звучит абсурдно? Да, такое сложно вообразить, особенно когда ты богатый сынок капитана корабля, привеченный судьбой.

На островах он прослыл счастливым. Эрику недавно исполнилось четырнадцать, однако уже за такое короткое время он успел сполна насладиться положением баловня фортуны. Храбрый отец – капитан Сазан, – бороздил просторы Мусорного моря в поисках серебряных дельфинов. Глупые злопыхатели прозвали его контрабандистом, а Эрику мнилось, что отец – верх доблести и благородства. Каждую секунду рискуя собой, он добывал для людей самое необходимое и, – что главное! – брал за это разумные деньги, без чрезмерной жадности. Ему беспрекословно подчинялась лучшая команда матросов, которые преданно смотрели ему в рот, ожидая новых приказов. На Эрика, соответственно, смотрели еще более преданно и даже с каким-то внутренним ужасом, словно боялись юного отпрыска капитана. Капризный мальчик частенько пользовался всеобщим благоговением и вел себя, честно говоря, не лучшим образом. Впрочем, о последнем он догадался не сам, ему услужливо подсказала тряпка.

Но сейчас пока еще длилась его маленькая минутка триумфа: слишком короткая, особенно в сравнении со всей остальной его жизнью, полной мучений и тяжелой борьбы. Что же тогда пошло не так?

– Рад, дружок? – весело поинтересовался у Эрика улыбающийся боцман по имени Калкан. Славный друг его отца: обладатель короткой ежистой бородки, маленьких, чуть навывкате глаз и объемного брюшка, которое при ходьбе выталкивалось вперед, словно бочка с ворванью². Добрее существа было не сыскать на всех островах до самого горизонта. – Сегодня у тебя посвящение. Увидишь настоящую охоту! Вряд ли кому в столь юном возрасте доводилось испытать подобное.

– Поду-умаешь! Чего я там не видел? – небрежно откликнулся Эрик, удачно замаскировав искренний, почти щенячий восторг. Конечно, он был рад, даже счастлив! Ему уже давно мечталось, как он воочию увидит этих прекрасных животных, о которых слагали легенды и песни. Но показывать истинные эмоции простым матросам ему не хотелось.

– Вот те на! – с наигранным возмущением гаркнул Минтай – костлявый моряк, походивший на обглоданную рыбешку. Из его уха тянулась леска, заканчивающаяся стальным крючком, на который он любил подвешивать спичечный коробок с живыми червями. Во время рыбалки приманка всегда была у него под рукой. – А то, что ты увидишь настоящее, чистое море, тебя не радует, постреленок?

Эрик неуверенно пожал плечами. Чистое море? Его дед вроде еще застал подобное явление, а он привык лицезреть яркую кислотно-зеленую пену, по цвету напоминавшую яблочную жвачку. Как приятно вдыхать насыщенный бриз, в котором чего только не было намешано: и

¹ Небольшое одномачтовое судно для китобойного промысла.

² Жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих (китов, тюленей, белух, моржей, дельфинов).

смерд гниющих останков рыб, и токсичный аромат от производств, и сероводородный душок, какой появляется, когда стухнут яйца! А эти вязкие волны, густые и липкие, точно разведенная в воде краска? Иногда ядовито-зеленые, а в иной раз под цвет самой радуги. Нет, Эрик бы ни за что на свете не променял богатое на запахи и цвета великолепие на какое-то там скучное голубое море, пахнущее одними лишь водорослями. И потом, он немножечко важничал. Но стоило ли искать в этом нечто предосудительное? Разве на нем не дорогуший кожаный плащ с застежкой в виде морской осы, которая светилась в темноте? Разве не у него одного отсутствовала рыбка-кличка? Островитяне предпочитали носить рыбные имена, дабы не забыть тех существ, что раньше водились в море. Для этих же целей в библиотеках хранились энциклопедии подводных существ, которые за ненадобностью уже давно обросли толстым слоем пыли.

Словом, Эрик отличался от других во многом, и не только именем: например, лишь он являлся гордым обладателем густой лиловой шевелюры, в то время как жиденькие волосы островитян по цвету походили больше на водоросли. Чужие мамочки так и горели желанием приласкать благообразного сына капитана или одарить засахаренными морскими коньками на палочке, словно им недоставало собственных детей. Эрик нравился решительно всем: каждый восхищался его экзотичной внешностью, задорным взглядом, манерой держаться и смотреть на мир: с живым любопытством, затененным чувством превосходства юного мужчины. А когда он весело скалился, обнажая в улыбке белые, как вымытое морем стекло, зубы, ему даже хлопали в ладоши. Его никогда не наказывали, не ругали, и Эрик довольно смутно понимал значение слова «нет». А если отец начинал бранить его за какую-нибудь шалость, то за Эрика дружно вступалась вся команда матросов, включая Пикшу – дочку Калкана и его лучшую подругу. Ужасно жаль, что Пикша осталась на шхуне, в то время как он сам сидит по правую сторону от рулевого, готовый к встрече с таинственными существами.

Матросы активно работали веслами. Чем дальше они уходили в кислотное безбрежье, тем чище становилось вокруг: и если сперва маленькая шлюпка с переменным успехом лавировала между мусорными островами, то здесь уже не было никаких ящиков, заброшенных лодок, бутылок, банок, одежды и протухшей еды. Даже дышать стало непривычно. Эрик с удивлением втянул в легкие свежий йодированный воздух, лишенный инородных оттенков, и с беспокойством оглянулся: вдалеке доброй тенью маячил великолепный клипер³ отца под названием «Аурелия». Трехмачтовый красавец, изящный и быстрый, как рыба-меч, с носовой фигурой в виде золоченого дельфина, он поистине бросал вызов морской стихии и олицетворял бунтующий дух своего хозяина – прославленного капитана Сазана. Наверное, отец сейчас стоял на баке и нервно вглядывался в подзорную трубу. Он не хотел отпускать горячо любимого сына на охоту, но Эрик слезно умолял, а Калкан поддержал его. Теперь добряк-боцман лукаво и немного заискивающе поглядывал на мальчика, словно намекая на то, что без его помощи не видать ему серебряных дельфинов и чистого моря как собственных ушей.

Эрик растерянно оглядывался по сторонам. Странные размышления одолевали его: сперва радостные эмоции притупляли работу мысли, затем, вместе с прохладным бризом пришло смутное волнение, переливавшееся в беспричинную тревогу. Море вдруг из привычного неоновозеленого сделалось враждебно синим: на поверхности оно ворожило лицемерно-голубым, а на глубине – коварно-черным, как смертоносная пасть дикулы⁴. Впрочем, Эрик знал очень хорошо, что в местах обитания дельфинов не водятся никаких дикул. Наверное, здесь даже можно было плавать без водолазного снаряжения и не бояться, что какое-нибудь агрессивное существо откусит половину ноги. Но именно это и пугало. Неизвестность. Пустота. Эрик привык к тому, что море обычно чем-нибудь заполнено, как, впрочем, и его желудок.

³ Быстроходное морское парусное судно. Как правило, трехмачтовое судно с острыми обводами корпуса.

⁴ Существо, мутировавшее в мусорном море из акулы.

– Прекрасно! – воскликнул Минтай, резко прерывая ход его тревожных мыслей. Матрос с неприкрытым восхищением обозревал вокруг себя лазурные воды. А Эрику почудилось, будто само небо сверглось в море и поменялось с ним местами: к добру ли?

– Чего притих, малыш? – ласково подзадорил Эрика рулевой, нарочито преуменьшая его возраст. – Неужто дрожишь, как морская собака⁵?

Эрик своими обостренными тревогой чувствами уловил издевку и сумрачно мотнул головой: еще чего! Сын капитана ни при каких обстоятельствах не станет бояться! По крайней мере, во всех книгах, что ему доводилось читать, подобные герои всегда отличались завидным бесстрашием и доблестью. Таковым же воображал себя и Эрик, у него только слегка подрагивала жилка на шее, выдавая его с головой, а предательский лоб вдруг покрылся испариной.

Голубое море притворялось обманчиво-спокойным, шлюпка без труда скользила по морской глади, и вот они оказались в странной заводи, блестящей на солнце, как тысячи звезд над головой. Чудилось, будто поверхность воды полили жидким серебром, и она так и застыла, ослепляя непрошенных гостей. Впрочем, в этом явлении не крылось чего-то необъяснимого; Эрик прекрасно знал, что подобный цвет морю придают рачки. Здесь были целые плантации ракообразных; ими же так любили лакомиться дельфины.

Все шесть матросов замерли, перестав работать веслами: их беспокойные взгляды принялись бороздить серебристую морскую гладь. Тишь стояла необыкновенная: ни дуновения ветерка, ни плеска воды.

«Сговорились они все, что ли?» – суеверно подумалось Эрику, который вдруг настолько испугался, что ему отчаянно захотелось броситься в воду и плыть в сторону спасительной шхуны – теперь такой маленькой точки посреди бескрайнего морского простора.

– Пусть наш мальчик метнет гарпун? – вдруг с энтузиазмом предложил Калкан. – Почувствует себя настоящим охотником за дельфинами.

Эрик вздрогнул. В горле сделалось сухо и солоно, словно он наглотался морской воды.

– Вряд ли он сможет, – мягко возразил Минтай. – Да и слишком парнишка мал для настоящей охоты. Здесь нужна рука мужчины: сильная и твердая.

Пожалуй, если до сего момента у Эрика еще и оставались какие-то сомнения, то сейчас они напрочь исчезли: в нем привычно взметнулись гордость и самолюбие. Этот мерзкий Минтай все время относился к нему снисходительно! Так разговаривают с детьми некоторые самоуверенные взрослые: они решительно ничего не понимают, но при этом делают вид, что знают все на свете.

– Я смогу! – почти не дрогнувшим голосом отозвался Эрик, зло покосившись на моряка. Да, он это сделает, даже если будет страшно. Пожав плечами, Минтай сунул ему в руку гарпун. Эрик вцепился в спасительное древко и сосредоточенно посмотрел перед собой. Все его тело немилосердно тряслось.

– Не бойся, – добродушно заявил Калкан. – Мы подплывем близко с подветренной стороны, он даже не успеет нас заметить. А потом ты возьмешь дельфина на линь. Они не такие большие, как киты, с ними и младенец управится. Всего-то метров пять в длину. Тем более, серебряные афалины в отличие от остальных своих сородичей редко плавают стаями.

Калкан говорил что-то еще, но его слова словно приглушались и приглушались, покуда в какой-то момент Эрик не осознал, что совершенно оглох. Он перестал воспринимать происходящее: перед глазами маячила лишь коварная гладь, кишашая рачками. Вдруг из жидкого серебра материализовалась гибкая глянцевая спина, сияющая на солнце, как алмазная россыпь. Плавник податливо замер, словно нарочито подставляясь гарпуну. А потом на поверхности показалась голова – весьма симпатичная, между прочим: темные печальные глаза животного смотрели с такой невыразимой скорбью, что Эрик почувствовал, как его прошибает

---

⁵ Катран, или морская собака, считается весьма трусливым созданием.

пот. Он робко встретился взглядом с будущей жертвой и сразу стыдливо отвел взор, не в силах выдержать немой укор, полыхавший в черных зрачках. Зловещая тишина поглотила все вокруг; казалось, море затаило дыхание перед нападением. Секунда-две, и со всех сторон потоком хлынули звуки. Кажется, матросы кричали, чтобы он метнул гарпун. Эрик и сам понимал, что лучшего момента не представится. Он должен был сделать это именно сейчас и доказать, что достоин звания славного охотника за дельфинами. Но Эрик не решился. Можно, конечно, приводить тысячу доводов, что водные обитатели созданы для человеческого пропитания, но когда смотришь живой разумной твари глаза в глаза, то рука не поднимается совершить убийство. По крайней мере, она не поднялась у Эрика.

Минтай резко выхватил у мальчика оружие и кинул в дельфина; он был метким гарпунщиком, и все могло закончиться довольно быстро, однако Эрик в последний момент сильно толкнул его в бок, что помешало тому совершить точный бросок. Попадание оказалось смазанным, матрос лишь вскользь ранил жертву, а гарпун ушел под воду. Недостаточно для того, чтобы поймать, но вполне ощутимо, чтобы вконец разъярить животное.

Вспугнутый дельфин, разрезая толщу воды упругим телом, скрылся в мрачных недрах моря, оставив на поверхности ржавые круги крови.

Матросы разочарованно заохали.

– Упустили добычу! – раздраженно выплюнул один из них.

– Зачем ты помешал мне, постреленок? – сурово поинтересовался Минтай. Взгляд его селедочных глаз мигом заледенел. Эрик покаянно опустил голову. Он уже догадался, что на сей раз его выходка выглядит в глазах взрослых серьезнее прочих детских шалостей.

– Я не хотел, чтобы его убили, – слабо пролепетал Эрик, отчетливо осознавая, что слова его звучат более, чем абсурдно. Сын профессионального дельфинобоя, он по собственной воле сорвал охоту. Этим промыслом охотники зарабатывали себе на жизнь.

Минтай ничего не сказал, только осуждающе покачал головой.

– Странно, что он так быстро ушел, – задумчиво проговорил Калкан, недоверчиво глядя на то место, где еще минуту назад торчал гладкий плавник. – Не к добру все это...

Загадочное бегство дельфина, впрочем, быстро объяснилось. Оказалось, он вернулся, приведя за собой подмогу! Совершенно неожиданно что-то тяжелое со всей силы ударило о днище вельбота, и шлюпка так сильно закачалась, что Эрик не удержался на ногах. Да и не только он: матросы, беспорядочно роняя весла, падали на дно шлюпки, кто-то глухо застонал от боли. Лодчонка кружилась в безумном водовороте, создаваемом дельфинами. Несчастным матросам почудилось, будто на них налетел шальной шквал. Повсюду мелькали массивные хвосты, отливающие серебром, точно лезвия из закаленной стали. Назревала жуткая бойня, только не совсем та, что планировали незадачливые охотники.

Атака прекратилась так же внезапно, как и началась. Лишь тяжелое бурление моря говорило о недавнем яростном сражении. Подводные обитатели помиловали врагов, даровав им шанс на спасение. Не потому ли, что Эрик не дал убить того дельфина? Как бы то ни было, все обошлось, хоть могло закончиться весьма печально. Вряд ли они справились бы с целой стаей. Матросы, охая, поднимались и пытались оценить урон, причиненный врагом. Никто серьезно не пострадал, кроме толстяка Налима, который, громко стеля, убеждал друзей, что сломал запястье. Разумеется, о продолжении охоты нечего было и думать, настроение у всех основательно испортилось, а особенно у Эрика. Он так мечтал об этой первой самостоятельной вылазке, и вот вместо того, чтобы проявить себя с лучшей стороны, всех подвел. Лишил добычи, и, следовательно, заработка, так еще и чуть не погубил экипаж их маленького вельбота.

Обратная дорога прошла в неперевариваемом молчании, которое повисло над их головами, точно свинцовые тучи. Эрик знал, что добрые матросы не будут его ни в чем обвинять, но тем не менее он хотел публично извиниться перед всеми за то, что сорвал охоту. Мальчик

предполагал сразу же все рассказать отцу, а затем и остальным. Однако его наивным планам не суждено было сбыться, ибо когда они поднялись на клипер и встретились с удивленным взглядом капитана, Минтай произнес едким, рассольным голосом:

– Капитан Сазан, прошу прощения за столь откровенный разговор, но ваш сын чуть не потопил вельбот и не стал причиной гибели матросов. Его поступок – не просто шалость. Он юнга, и на него также распространяется действие морского кодекса. За умышленное причинение вреда другим его следует наказать публично.

Такого предательства Эрик не ожидал. Он увидел только, как стремительно бледнеет лицо его отца.

Глава 2. Даже устрица имеет врагов

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о минтае? Принадлежит к семейству тресковых, под нижней губой у минтая есть осязательный ус: этот орган улавливает малейшие колебания водной толщи, что помогает рыбе обнаруживать добычу, особенно на глубине в условиях плохой видимости.

Они стояли вдвоем на баке под тлеющей луной – отец и сын. Эрик сквозь полуопущенные ресницы с щенячьей преданностью поглядывал на родителя, как же он обожал его, восхищался, хотел во всем походить на него! С самого детства в нем жила безграничная вера в могущество этого человека – монолитного гиганта с широкой, подобно корабельной мачте шей, к которой основательно крепилась голова с роскошным парусом белых волос. Серо-желтые глаза капитана излучали неукротимый дух, матросы подчинялись ему еще раньше, нежели слышали приказ. Эрику даже казалось, что он бессмертен, в отличие от других живых существ. Сейчас, правда, отец выглядел излишне встревоженным. Его усы трогательно трепетали из-за шумного, прерывистого дыхания, точно у гигантского кита.

– Прости меня, – с искренним раскаянием вымолвил тогда Эрик. – Знаю, что всех подвел... – он запнулся, сиюсь подавить в сердце глухую обиду. Почему матросы наябедничали на него? От них невозможно было ждать подобной подлости! Самолюбие, приправленное горечью, снова зашевелилось в его сердце, и он добавил запальчиво:

– Если им так хочется, я готов принять наказание!

Эрик обманывал самого себя: в глубине души он искренне верил, что никто не посмеет поднять на него даже палец. Отец кивнул, впрочем, без особой уверенности. А его последующие слова заставили Эрика встрепенуться.

– Сынок, – как будто через силу проговорил Сазан. – Я хотел потолковать с тобой, рассказать о... Словом, представь себе моллюска.

– Ты хотел поговорить о моллюсках? – развеселился Эрик.

– Да. Знаешь же, что у них есть раковины, которые защищают от штормов. Впрочем, не только от них. Все враждебное ударяется о преграду, но не достигает сердцевины. Ты ведь тоже с детства был защищен от всего дурного: я оберегал тебя, как редкую жемчужину. Боюсь только, ты не успел нарастить себе раковину...

– К чему весь этот разговор, отец?

Сазан опустил голову, о чем-то глубоко задумавшись. Все его черты – обычно живые и веселые, как будто потухли, съежились, отец даже стал меньше ростом.

– И ты тоже прости меня, сынок, – жалко выдавил из себя он. – Не знаю, какой из меня родитель, думается, я не успел дать тебе главного.

– Ты лучший отец на свете! – с жаром возразил Эрик, – а остальное – это дело наживное.

– М-да, наверное, ты прав. Еще я хочу подарить тебе кое-что.

– И что же? – удивился Эрик. Нет, конечно, он всегда радовался подаркам, просто сейчас для них не было повода.

Отец склонился к холщовому мешку, лежавшему у него в ногах, с загадочным видом повозил в нем рукой и достал оттуда небольшой предмет – старинную книгу в переплете из дикульей кожи с бронзовыми застежками, потускневшими от времени. От фолианта исходил манящий запах старины, морской соли, пыли, кожи и еще чего-то слабо определимого, таинственного, неразгаданного. Эрик ощутил, как по телу побежали мурашки.

– Что это такое, отец?

– Не знаю, сынок. В том-то и дело, что не знаю.

– Но это книга? Ты читал ее?

– Да, книга, но ее невозможно прочесть. Она написана на странном языке, и самое загадочное... – капитан Сазан прервался и с трепетной любовью погладил пальцами переплет, – что язык как будто даже и нечеловеческий... Я не смог разгадать этот сложный шифр, здесь нужен кто-то поумнее меня⁶.

– Но откуда она у тебя?

– Твоя мать оставила. – Шумно выдохнул отец и помрачнел. – Перед тем как... Уйти от нас.

Эрик вздрогнул. Они раньше уже разговаривали на эту щекотливую тему с отцом, но всякий раз боль оказывалась нестерпимой. В других семьях все происходило иначе: на островах нерушимость семейных связей была священной. Впрочем, иногда родители расставались с детьми по причинам, никак от них не зависящим. Жизнь у островитян была тяжелой, люди гибли, как рыбки. Но редко случалось так, что родная мать бросала ребенка по собственной воле. А ведь она просто ушла, даже не объяснившись. Как чужой человек, совершенно не причастный к их семье, – словом, как предатель. Эрик почувствовал, что глаза затуманиваются от слез.

– Выкинь ее в море! – запальчиво воскликнул он. Но отец, с любовью глядя на книгу, покачал ее на руках, будто собственное дитя.

– Нет, мой дорогой. Я подарю книгу тебе. Хоть мне дикульски тяжело с ней расставаться, она стала мне как... родная, понимаешь? Верю, ты разгадаешь ее секрет. *Мамин секрет*.

– Она просто нас бросила, – сквозь зубы зло пробормотал Эрик, но книгу все-таки взял. Мальчик думал закинуть ее в самый дальний и запыленный угол каюты, однако вместо этого зачем-то сунул под подушку. Эрик ложился спать с мыслью, что завтра попробует ее почитать, однако все произошло совсем не так, как он планировал.

***

Утро оказалось столь беззаботным, солнечным и мирным, что Эрик, проснувшись в личной койке-гамаке, напрочь забыл обо всем: вчерашнем происшествии, разговоре с отцом, таинственной книге. В пять прозвучал знакомый колокольный перезвон склянок, и под громогласные выкрики боцманов и свист дудок моряки начали привычное шевеление. В капитанской каюте вскоре будет сервирован превосходный завтрак с бодрящим чаем из рыбьей чешуи, после чего совершится торжественный ритуал пробы пищи, а потом освежающая зарядка на палубе, прогулка, занятия, шалости... Все это было так старо и привычно, что Эрик даже зажмурился в предвкушении. Подумать только, из-за каких пустяков он вчера струхнул! Матросы обожают его и ни за что не дадут в обиду. Особенно добрый друг Калкан.

Однако когда повеселевший мальчик вышел на палубу, сердце его нервно затрепыхалось в груди, ибо он смутно уловил тревогу.

Толпа угрюмых матросов собралась у грот-мачты: у них были столь неопределенные расплывшиеся лица, словно перед Эриком предстало сборище медуз, но не людей. По обыкновению славные балагуры, сейчас они умудрились погрузить пространство вокруг себя в неприятно-вязкое гробовое молчание. Воздух, пропитанный солью, дегтем и сероводородом, сгустился, тишину нарушал лишь скрип такелажа и зловещие удары дикул о днище судна. Когда матросы заметили Эрика, то вцепились в его лицо неприятными взглядами, не сулившими ничего хорошего. Насколько разительным был контраст между этим тяжелым, угрюмым созерцанием и заискивающими, ласковыми улыбками, которыми матросы одаривали его ранее! Неужели пока он спал, морской владыка подменил их всех?

---

⁶ Отсылка на Манускрипт Войнич, загадочную средневековую рукопись, написанную на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита.

Эрик принялся в панике оглядываться по сторонам, пытаясь найти хоть одно дружелюбное лицо, но тщетно. Впрочем, поблизости стоял отец – такой монолитно-огромный по сравнению с щуплыми матросами.

– Тот должен быть протянут под килем, кто сквернословит, играет, подвергает опасности жизнь других матросов⁷. ... – нудным голосом зачитал приговор Минтай. Эрик содрогнулся: и ежу морскому было понятно, что подобного наказания ему не вынести. Он просто захлебнется в лучшем случае, а в худшем – окажется в пасти какой-нибудь везучей дикюлы.

– Он еще ребенок! Ты спятил? – рыкнул отец, выглядевший в настоящую минуту поистине устрашающе: его борода развевалась на ветру подобно флагу, руки отчаянно жестикулировали, как взбесившиеся канаты, желтые глаза пенились злобой.

– Ваш сын достаточно взрослый для того, чтобы отвечать по уставу. Или вы считаете, что на вас закон не распространяется? – Минтай селедочно зыркнул из-под набрякших век. Другие матросы заволновались. Кто-то кричал, что дерзкого мальчишку следует хорошенько наказать, чтобы у него впредь не возникало желания своевольничать, другие предлагали заменить килевание на что-то еще более изощренное, например, удары кошкой-девятихвосткой⁸. Иные даже выступали за прощение. В этот момент все, вероятно, поплыло бы совсем по иному течению, если бы вдруг в Эрике снова не разыгралась дурацкая гордость. Ему показалось весьма обидным, что обычные матросы решают его судьбу. Сына самого капитана! Не помня себя от злости, он выступил вперед и крикнул звенящим голосом:

– Линчуйте, морские собаки, если вам позволяет совесть! Мне все равно!

На что он рассчитывал, глупец? Вряд ли теперь стоило ждать снисхождения, ибо матросы, только услышав его дерзкое заявление, закудахтали, как растревоженные дельфины. Началась ужасная суতোлка, кто-то накинулся на него, в воздухе раздалась пальба, замелькали кортики, и посреди всего этого переполоха прогремел чудовищный рев его отца, которого пришлось тоже обездвигнуть и связать; причем, не без труда. Перед тем как тяжело рухнуть на палубу, капитан уложил порядка десятка матросов. Но что с того, если их развелось как корабельных крыс в трюме? Эрику почудилось, что все происходящее – неправда. Реальность преломилась и перестала таковой быть. Обычная оплошность вдруг обернулась чем-то страшным и непоправимым.

С него грубо стянули плащ и рубашку, сделав таким образом куда более уязвимым. Когда Эрик дерзко напрашивался на взбучку, он еще не предполагал, что это произойдет всерьез. Ему часто доводилось играть с Пикшей в морской бой, где они без малейших колебаний уничтожали целые флотилии, но ведь то было так по-детски! В сущности, Эрик ничего не знал о настоящих сражениях и потерях. Ему стало страшно, воздуха перестало хватать, и он отчаянно взглянул на отца, уже готовый молить о снисхождении. И если бы не этот его жалкий просящий взгляд, возможно, все бы еще обошлось.

– Беру его вину на себя. Я запрещаю наказывать Эрика! – тихо произнес капитан, но его все услышали. Воцарилась минутная тишина, которая затем потонула в безудержном гвалте. А потом вмешался Минтай, взявший на себя роль представителя матросов.

– Когда капитан отказывается подчиняться уставу, команда имеет право отстранить его от должности и даже изгнать, – сухо произнес он. – Отныне, капитан Сазан, мы более не подчиняемся вам. Вы покинете наше судно без права на возвращение. Немедленно спустить шлюпку на воду!

Минтай произносил речь как-то очень странно и ненатурально, Эрик никогда не замечал ранее в его тоне столь повелительные нотки. А матросы... Они словно сговорились против них

---

⁷ Отсылка на Ганзейский указ XIII века, где есть упоминание о «килевании» – самом жестоком наказании на парусных кораблях.

⁸ Плеть с девятью и более хвостами, обычно с твердыми наконечниками, специальными узлами либо крючьями на концах, наносящая рваные раны.

и превратились в злую свору собак, объединившихся в едином желании загрызть жертву. Эрик хотел запротестовать, но его песочно-сухой крик потонул где-то в глотке, а наружу вырвался лишь всхлип, такой же жалкий, как и он сам. В какой-то момент отец поднял голову и бросил в сторону сына взгляд: уверенный, спокойный. О такой будут разбиваться буруны в шторм, но не изменят его сосредоточенности. Сквозь жуткую суету, царившую на палубе, двое дорогих друг другу людей пытались попрощаться: один хотел поделиться непоколебимым спокойствием и отвагой, другой – отчаянно молил о помощи. Но эта роковая минута прошла быстро, как и все, что предшествует долгой разлуке с родными. Шлюпка уже призывно колыхалась на волнах, и Калкан непринужденно помахал изгнаннику рукой – этот жест показался Эрику особенно издевательским.

Сына не подпускали к отцу; он мог лишь затравленно наблюдать, как навсегда уходит самый близкий ему человек. Эрик не питал иллюзий: безопасные острова находились далеко, а море само по себе отнюдь не благоприятно для плавания на шлюпке. Встреча с опасными тварями, водоросли-убийцы, сетчатые медузы и гигантские осьминоги, провалы в море, наконец, блуждающие мусорные острова, – разве под силу человеку выжить в таком враждебном мире, особенно одному? Эрик отчаянно рыдал, дрался и просился к родителю, чтобы отправиться в изгнание вместе с ним, но тщетно. Вместо этого беднягу, предварительно поколотив, связали и кинули в темный трюм – обиталище крыс, где он кричал так, что окончательно сорвал себе голос. А на следующий день в жизни незадачливого сына капитана случилось нечто действительно удивительное, ибо он встретил тряпку.

Глава 3. Труда не приложишь, коралл не достанешь

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о рыбе-тряпке? Редкий вид лучеперых рыб из монотипического семейства икостеевых. Название связано с гибкостью тела: ее позвоночник из хрящей способен изгибаться в совершенно любых направлениях причем несколько раз.

Эрик терял сознание или забывался – нельзя было сказать точно; все казалось неопределенным, как в дурном сне. Рев бурунов слышался болезненно отчетливо, шум парусов и толчки подводных чудовищ – может, их черные души переселились в тела матросов, иначе почему они стали такими озлобленными? Мрачное отчаяние охватило Эрика; его посещали мысли, никогда ранее не приходившие ему в голову – тяжелые, как якорь «Аурелии». Он впервые в полной мере осознал, что значит испытывать вину за содеянное. Нет, конечно, ему и раньше приходилось стыдиться своих поступков, когда отец отчитывал его неизменно ласковым и спокойным голосом; но все же по силе и яркости переживаний, его теперешние терзания были во сто крат сильнее. Помимо стыда, Эрик мучился физически, ибо был жестоко связан, без рубашки, в темном помещении, таком душном и вонючем, что нос отказывался втягивать воздух. Пару раз он ощущал на животе чьи-то когтистые лапки: тогда Эрик вздрагивал и кричал, не помня себя от ужаса. В иные моменты он настолько отчаивался, что мечтал умереть. Если бы клипер натолкнулся на какой-нибудь утес и разбился в щепки, это немедленно избавило бы его от мучений.

Прошло несколько тоскливых часов, прежде чем о существовании страдальца вспомнили: испуганного и совершенно одуревшего от происходящего, его вытолкали на палубу. Эрик закрыл глаза, поразившись, как больно резанул по ним дневной свет. А когда вновь открыл их, то увидел, что все осталось, как прежде: и море, и матросы, и судно – по-прежнему быстрое и невозмутимое. Между тем самому Эрику казалось, что мир должен был измениться до неузнаваемости, как и произошло в его сознании.

– Ну, – с притворной ласковостью произнес матрос по имени Кальмар – очень тощий и почти лысый, если не считать жалкого клока волос на голове, походившего на щупальца кальмара. – Рад переменам, уродец?

Эрик бы не догадался, что наглец обращается к нему, если бы тот не впери́л в него свои круглые глазки, излишне расплывчатые и обтекаемые.

– Вряд ли ему по душе новое прозвище, – захохотал кто-то. – Но с такими волосами уродец он и есть.

Гордый сын капитана дико разозлился и вскинул голову: к нему еще никогда не обращались столь оскорбительно. Но его вспышка гнева еще больше развеселила матросов: они хохотали так, что от этого внушительного звука, казалось, даже затрепетали паруса. Эрик обвел беспомощным взглядом толпу, стараясь отыскать в ней лица, что были ему прежде так знакомы: добрые, понимающие. Но тщетно. Пикша – неизменная напарница в детских играх, тоже стояла посреди массы гогочущих существ. Она не сделала в его сторону ни шагу, а в глазах ее застыло неопределенное выражение, напоминавшее обманчивый штиль. В этот момент Эрик особенно отчетливо понял: есть «они», а есть «он» – два враждебных друг другу мира, которые никогда не пересекутся. Раньше ему казалось, будто он окружен добрыми друзьями, а сейчас понял, что все время находился среди голодных тварей, готовых при любой возможности цапнуть за ногу. Первый урок, какой ему преподнесла жизнь: люди умеют дикульски здорово притворяться.

Его испуганный взгляд одинокого и покинутого всеми ребенка уперся в шканцы – там стоял невозмутимый Калкан с подозрительной трубой наперевес. На нем была капитанская фуражка отца. Боцман, очевидно, почувствовал на себе пронзительный взгляд Эрика, ибо отвел в сто-

рону трубу и посмотрел вниз. Кажется, в снисходительном взоре его промелькнуло нечто, похожее на сострадание.

– Калкан! – умоляюще крикнул Эрик, желая обратиться за помощью к старому приятелю, но тот уже не смотрел на него. А матросы глумливо расхохотались.

– Запоминай новые правила, уродец, – студенисто вымолвил Кальмар. – Ты младший матрос и работаешь отныне со всеми на палубе. Будешь также прислуживать на камбузе Крабу.

Эрик в отчаянии замотал головой. Краб был единственным человеком на их судне, которого Эрик раньше боялся. Сложно сказать, откуда возник этот страх. Может, оттого, что Краб почти все время находился в нетрезвом состоянии, и, соответственно, вел себя весьма непредсказуемо. Впрочем, ему все прощалось, ибо отец в целом был добр по отношению к своим людям, а от Краба многое зависело: он был судовым кокком и отвечал за провизию. Эрик избегал встреч с ним, а когда случайно наткнулся на его громоздкую пошатывающуюся фигуру, то предпочитал прятаться. Он ни за что не будет никому прислуживать, а уж тем более Крабу!

– Нет? – издевательски проговорил Кальмар, с точностью отгадав его вольнодумные мысли. Набравшись мужества, Эрик вновь упрямо качнул головой. В конце концов, а что они с ним сделают, убьют?

Второй урок, который ему преподавала жизнь, заключался в следующем: смерть порой не самое ужасное, что может произойти с человеком.

Лицо ему разбили несколькими точными ударами, а гордость еще раньше, когда вылили на голову ведро с протухшей водой и кинули в него голик⁹ и швабру. Эрик тихо заплакал, он впервые сносил подобные унижения от тех, кем раньше с таким удовольствием помыкал. Капризный, избалованный ребенок с тонкой душевной организацией – о, как он страдал теперь, когда привычный мир рухнул в одночасье!

Мысли беспорядочно роились в голове, Эрик с трудом осознавал, что от него хотят, сделавшись на время тупым, как рыба-луна. Матросам, впрочем, это совершенно не понравилось, ибо они хотели немедленного подчинения, а не упрямства.

– Клянусь, щенок, если ты сейчас же не начнешь драить палубу, я сломаю тебе пальцы! – прорычал Кальмар, склонившись над ним и грубо сунув в ладонь тряпку. Но Эрик ничего не слышал и не видел: картинка размывалась из-за слез и воды, стекавшей по волосам. Неизвестно, чем бы закончилась эта ужасающая расправа: возможно, матросы, озверевшие от неподчинения подростка, просто прикончили бы его и выкинули за борт, но именно тогда произошло очень странное, не поддающееся никакой логике событие. Ладонь, в которой мальчик держал тряпку, вдруг сделалась свинцово-тяжелой и якорем потянулась к палубе. Эрик испуганно посмотрел на руку, которая ему, казалось, больше не принадлежала и действовала по собственной воле. Как же это страшно: терять контроль над своим телом! Что происходит? Ему пришлось встать на четвереньки, чтобы удержать себя, ибо невиданная сила тянула ладонь вниз. Матросы при этом ничего не заподозрили; они подумали, что Эрик просто решил им подчиниться.

– Гордецы ломаются очень быстро, – хмыкнул Кальмар с отвратительно-мерзкой гримасой победителя. Среди матросов он не пользовался особым уважением, его частенько унижали из-за нечистоплотности, лени и склонности выпить. А теперь он порадовался обнаружить подле себя человека более слабого по духу, чтобы можно было на нем вымещать все обиды.

Строптивый Эрик захотел крикнуть, что он вовсе не сломлен и не собирается ни на кого работать, однако тряпка ужасающе зашевелилась, как живая, а в сознании прозвучал хриплый насмешливый голос:

– Не обязательно ломаться, можно ведь и схитрить?

---

⁹ Веник из голых (без листьев) прутьев.

Вопрос, прозвучавший как бы из ниоткуда... Эрик настолько был им ошеломлен, что чисто механически принялся надраивать палубу. Матросы постепенно разошлись: кто на вахту, кто по своим делам. На жалкого мальчишку уже не обращали внимания, сын сверженного капитана теперь будет прислуживать им вместо раба, они его приручили и потеряли к нему всяческий интерес. А вот Эрик пытался сообразить, кто же предложил ему «схитрить». В какой-то момент он замер на месте, старательно прислушиваясь. Вдруг глас свыше опять даст ему сверхъестественный знак, указание к действию? Но глас, вопреки всем его ожиданиям, раздался вовсе не сверху, а снизу:

– Вытри кровь с лица, а то выглядит жалко. И перестань реветь, ненавижу мальчишеские сопли.

Эрик перевел взгляд, преисполненный суеверного ужаса, себе на ладони. В руках клубком свернулась половая тряпка, однако теперь он мог ее развернуть и внимательнее к ней присмотреться. Рвань оказалась ужасно вонючей – в песке и моче, ибо именно эти средства использовались для чистки палубы. Серовато-грязная, с по-разбойничьи висячей бахромой и странной дыркой посередине, напоминающей огромный рот – таковой она выглядела до тех пор, пока этот «рот» не изогнулся в глумливой ухмылке. – Снова будешь рыдать? – подначивающим голосом прозвучало в сознании Эрика.

– Это... Говоришь ты? – едва шевеля губами, пролепетал тот. Он в страхе озирался по сторонам, искренне надеясь, что никто из матросов не застанет его за этим чудным занятием: беседовать с самим собой.

Тряпка истерично заколыхалась в руках, словно сотрясаясь в приступе смеха.

– Сначала была твоя реплика. Потом моя. Это нормально, когда происходит разговор, – издевательски прозвучало в голове.

– Но... – Эрик нерешительно запнулся. Ему хотелось заметить, что разговаривать с неодушевленными предметами ненормально, однако объяснить этот общеизвестный факт тряпке – еще более дико, поэтому лучше просто заткнуться.

– Если не надраишь палубу к полудню – опять будут бить, – констатировала ветошь в его руках и даже легонько вздохнула, округлив дырявый рот. У нее был странный хрипловато-сиплый голос, какой-то «протертый», и пугал он Эрика не меньше озлобленных матросов.

– Ну же, кончай трусить. Не будь тряпкой! – прикрикнула она язвительно. Эрик вздрогнул и попытался собраться. В конце концов, совет тряпки был неплох сам по себе; какая разница, кто его дал? И самый кровожадный пират может однажды сказать «не убей», что же теперь, не следовать мудрости лишь оттого, что ее произнес пират?

С этого дня жизнь Эрика круто изменилась; бедняга даже подумывал, что от всех неприятностей сошел с ума. Сначала его ужасно пугало новое положение дел, но затем он осознал, что подобное безумство, в общем-то, весьма облегчает ему жизнь. А еще он начал слышать *других*.

Глава 4. От одного краба в море тесно не станет

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о крабах? Это короткохвостые раки с маленькой головой и крупным телом. Их панцирь является внешним скелетом, в течение жизни крабы линяют и сбрасывают старый панцирь. Очень агрессивны по отношению друг к другу. Крабы общаются постукиванием клешнями. Зубы краба находятся у него в желудке.

Все говорили с ним по-разному. Мир тишины вдруг наполнился безумными звуками. Предметы соревновались между собой за внимание Эрика, а он совершенно не понимал, кому следует отвечать в первую очередь. У всех был разный голос, интонация и, как бы смешно это ни звучало, акцент. Деревянная ложка, которой Эрик черпал суп, была сущей провинциалкой с удаленного острова, и в ее речи проскальзывал жаргон рыбаков, однако она разглагольствовала с таким гонором и жеманством, будто сошла со стола императора. Медный котел по-старчески жаловался на жизнь, точно древний дед, добродушная бочка для питьевой воды по-матерински любила всех, но, увы, ее саму никто не любил, ибо вода затухала в ней с поразительной быстротой. Именно по ее вине матросы страдали дизентерией¹⁰. Ворчливый компас обожал читать нотации занудным, похожим на метроном голосом, клипер «Аурелия» щебетала с поистине женским кокетством, ибо, как выяснил к своему огромному удивлению Эрик, их судно относилось к женскому полу! Она постоянно напрашивалась на комплименты, а если не получала их, то могла долго дуться. Предметы одинаково хорошо воспринимали Эрика: искренне жалели незадачливого сына капитана и предлагали поплакаться. Только тряпка выбивалась из общей массы, ибо поистине не ведала жалости. Она с огромным удовольствием высмеивала беды Эрика, подтрунивала над ним, когда он трусил, говорила гадости, когда бедняга, скрывая лицо в ладонях, принимался плакать, заставляла терпеть, когда он страдал от побоев матросов. О, сколько жестоких слов Эрику приходилось от нее сносить, но, как ни странно, именно тряпка стала его самым близким другом. Мерзкая и неприятная – как по запаху, так и по характеру, она была вместе с тем удивительно искренней, чем, увы, может похвастаться далеко не каждый друг.

Первое время Эрик до дрожи в ногах боялся нового хозяина – Краба. Когда неповоротливый мужчина пронзал его хитиновым взглядом, мальчик замирал от ужаса, не смея ни дышать, ни говорить. Это здорово бесило кока: он выходил из себя, орал на него, обзывая тупорылым сухопутным. Эрик выполнял роль уборщика и вестового, то есть подносил матросам еду, мыл посуду. Ему приходилось ежедневно копаться в сухарях, полных мучных червей (кстати, сухари нередко вновь запекались и употреблялись в пищу, так сказать, с «мясной начинкой»), вдыхать смрад вонючей солонины, стоять посреди жаркого зловонного камбуза, напоминавшего преисподнюю, и каждую секунду трепетать от яростных приказов сурового кока, толстокожее лицо которого никогда не озарялось улыбкой. Краб в фантазии Эрика казался даже не человеком, а каким-то жутким существом, за свою кровожадность свергнутым с небес. Шумный кок весь трещал, наподобие судна во время шторма. Его тело издавало очень громкие звуки – то он прочищал горло так, что из котла выплескивалась вода, то скрипел коленями под стать старым доскам на палубе, то дышал так грузно, что, казалось, сейчас вызовет цунами. У него были огромные руки и крючковатые пальцы, напоминавшие загнутые клешни, словом, внешне он представлял собой крайне неприятного человека, которого вполне можно было не любить или опасаться. Матросы глубоко презирали Краба, а ему было наплевать. Громкий,

---

¹⁰ Раньше деревянные бочки, в которых хранили воду, становились рассадником грибков и бактерий, если вода в них протухала. Чтобы избежать этого, владельцы торговых кораблей пропаривали или обжигали бочки перед заливкой воды, но это все равно мало помогало.

подвижный, злой, – всю энергию он направлял на приготовление пищи, а остальное его мало заботило.

Когда испуганного Эрика втолкнули в страшный полумрак камбуза, где подобно гигантскому чудищу, шевелился кок, выставив в разные стороны руки-клешни, мальчик онемел от страха.

– Как тебя звать? – зло поинтересовался Краб, вытирая пот со лба. Удивительно, но он даже не помнил его имени!

– Э... – начал было Эрик, но запнулся, ощутив, как окончание собственного имени застревает где-то в горле.

– Отвечай живее, пока похлебка не сбежала!

– Э...рик.

– Рик? Что за прозвище такое дурацкое? – в сердцах выругался кок. – Ни рыба, ни планктон, а не пойми чего. Значит, и отношение к тебе будет соответствующее, Рик.

После такого не внушающего ободрения знакомства он наградил Эрика увесистой затрепщиной, а потом заставил мыть пол уксусом.

Вечером, ошалевший от новых обязанностей и совершенно измученный, Эрик без сил лежал на палубе, спрятавшись за доброй бочкой. Это было его тайное убежище, по крайней мере, до той поры, пока кто-нибудь из матросов не принимался его звать. Над головой умиротворяюще поблескивало созвездие Устрицы, красивым узором вшитое в ночное небо. От моря исходило неоновое свечение, пахло таким привычным и оттого восхитительным мусорным бризом – с примесью йода, тухлых водорослей и вонючих сапог, а клипер весело мчал по волнам навстречу новым горизонтам. Куда они держали путь? Обычно после удачной охоты «Аурелия» возвращалась на острова, начиная свой вояж с Черной Каракатицы, где капитан на туманном рынке за неплохие деньги сбывал туши дельфинов. Из них потом изготавливали питьевые фильтры – одну из самых необходимых вещей на замусоренных островах. Но теперь, после предательства матросов и свержения капитана, Эрик не представлял их дальнейший маршрут. Удалялись ли они от знакомых его сердцу мест или, наоборот, приближались? Во время стоянки у Эрика, по крайней мере, появлялась возможность сбежать, но пока об этом бессмысленно было мечтать.

Несмотря на безмятежную обстановку, чувство непередаваемой беспомощности охватило вдруг Эрика. Одинокая душа его жаждала ласки и дружеского участия.

– Я лучше умру, чем войду в камбуз, – в слезах пожаловался он новым знакомым, не в силах более сносить тишину. Бочка-наседка заохала и закудаhtала, жалея бедняжку на все лады. Но Эрик не слушал ее причитаний, он с напряжением смотрел на тряпку. Та сощурила глаза-дырки и растянула рот в глумливой ухмылке.

– Ну и дуралей, – безапелляционно отозвалась она.

– И ты меня обзываешь, как другие! – горько усмехнулся Эрик.

– Они тебя ругают из-за злобы, а я из-за доброты.

– Никогда не слышал, чтобы из-за доброты ругали.

– Меня произвели два года назад на островном текстильном заводе, поверь, я знаю, о чем говорю.

Эрик невольно улыбнулся.

– Два года – это так мало...

– Достаточно для того, чтобы повидать, сколько в мире грязи.

– Все равно я очень боюсь Краба. Мне кажется, он даже... – Эрик смущенно запнулся, предполагая, что тряпка начнет над ним смеяться. Но та лишь закатила глаза.

– Он... что?

– Людоед. И когда я сделаю что-нибудь не так, он просто сварит из меня похлебку.

Тряпка секунду тарашилась на Эрика, а затем вдруг разразилась таким хохотом, что бахрома затряслась во все стороны. – Это вовсе не смешно! А еще он называет меня Риком и тупорылым сухопутным.

Тряпка резко перестала смеяться и посуровела:

– Никогда не позволяй чужим людям глумиться над твоим именем. Его дали тебе родители. Если не будешь уважать себя и свое имя – другие безжалостно растопчут тебя.

Эрик виновато опустил голову. Сам не зная почему, но он чувствовал перед тряпкой смутное благоговение, как перед чем-то непостижимо мудрым. А еще ему стало тоскливо оттого, что родителей нет рядом.

– Я боюсь, что отец умер... – невпопад произнес он, снова готовый зарыдать. Но тряпка лишь строго пожурела его:

– Все люди имеют свойство умирать, глупо расстраиваться из-за неизбежного. Это раз. И потом, ты тоже уже однажды умирал: рождение – это маленькая смерть. Не горюешь же ты из-за того, что тебе перерезали пуповину? Это два. И наконец... – тряпка таинственно замолчала.

– Что? – поторопил Эрик, увлеченный рассуждениями новой подруги.

– Расстраиваться из-за непроверенной информации могут только дураки, что вполне подтверждает прозвище, данное тебе мной.

Эрик слабо улыбнулся. Почему-то эти слова успокоили его гораздо больше, нежели слезные причитания бочки.

– Скажи, тряпка, а ты разговариваешь со всеми людьми? – задал Эрик уже давно волнующий его вопрос. Он все никак не мог для себя определить: новые способности связаны больше с умственным помешательством, либо же с чем-то иным, не поддающимся никаким объяснениям.

– Я что, похожа на сумасшедшую, чтобы разговаривать с этими тупицами?

– Но... А как же я?

– Ты – это другое дело, – загадочно ответила она, впрочем, так и не разрешив его сомнения.

– А как тебя зовут, тряпка? – внезапно с любопытством спросил Эрик.

Насмешница захохотала, обнажая в улыбке черные полусгнившие зубы из бахромы.

– Вещи не стоят того, чтобы давать им конкретные имена, – наконец, произнесла она. – Относись к ним проще.

– Тогда я буду звать тебя Ряп, ты не обидишься?

– Конечно, я понимаю, что мой вид недостаточно хорош, но можно было все же придумать что-нибудь менее убогое? – живо возмутилась она. – Например, Нерида, Мюрюель, Амфитрита или же...

Теперь настала очередь Эрика смеяться. Его искренне позабавило, как тряпка искала себе подходящее имя.

– Давай ты будешь Кара? Это на островном наречии означает «друг».

Тряпка неопределенно пожала уголками.

– Что ж, пусть будет так. Только странно, что ты всерьез считаешь меня другом.

– Почему? – обиделся Эрик.

– Люди, выбирающие дружбу с вещами, как правило, одиноки. И несчастны.

– Может, Краб тоже несчастный?

Тряпка загадочно улыбнулась.

***

На следующий день Эрик шел в камбуз с какими-то новыми чувствами. Он еще сам до конца не осознавал, что именно поменялось. Перед ним привычно возникла широкая спина Краба – людоед никогда не поворачивался в ответ на его приближение. Кок вообще реаги-

вал исключительно тогда, когда совершалась какая-то оплошность. В иные моменты кипящий котел занимал все его внимание.

– Поддай-ка мне горох, Рик, – отрывисто приказал он. Но Эрик не двинулся с места. Еще вчера он бы немедленно кинулся выполнять поручение, но не теперь. Широкая спина застыла; прошло не меньше минуты, прежде чем неповоротливый Краб развернулся в его сторону. Пока происходило это действие, Эрик внутренне дрожал от страха. Мысль, что людоед сварит из него похлебку, показалась ему в этот момент более чем реальной. Замедленный поворот туловища осуществился благополучно, и выпуклые глаза Краба из-под набрякших век остро установились на юнгу.

– Меня зовут Эрик, – громким голосом произнес смельчак и посмотрел коку прямо в лицо. – Я готов делать работу, любую, но терпеть, как меня называют тупорылым сухопутным, не намерен! – произнеся эти отчаянные слова, он весь сжался, ибо предположил, что, скорее всего, теперь ему не избежать жестокой трепки. Краб удивленно вытаращился на дерзкого отрока. Какое-то время прошло в этом молчаливом поединке, и, надо отдать ему должное, Эрик умудрился не опустить глаз. Затем вместо того, чтобы влечь пощечину, Краб неожиданно протянул ему половник, наполненный вонючей похлебкой, и вымолвил уже смягченным голосом:

– На, заслужил первый черпак.

С этого момента началась их если не дружба, то, по крайней мере, взаимная приязнь. А через некоторое время Эрик узнал, что и с предателями можно дружить.

Глава 5. Где чистая вода, там и рыба чистая

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о пикше? Морская рыба семейства тресковых, близкий родственник трески, сайды и минтая. У каждой особи есть уникальное пятно над плавником. Эта рыба является плотоядным хищником.

Жизнь на судне представляла собой отлаженный механизм: у каждого человека-нагеля¹¹ имелось свое предназначение. Но для Эрика оно заключалось преимущественно в уборке. Палуба должна быть вычищена песком так, чтобы блеснуть на солнце, медные предметы отдраены, матросские койки накрепко связаны – все аккуратно сложено на своих местах. Эрика использовали во всех самых грязных и мерзких работах, а иногда моряки, издеваясь, специально разбрасывали личные вещи, чтобы лишний раз унижить новоиспеченного юнгу. Мальчику пришлось за короткое время освоить столько всего нового, что это едва помещалось у него в голове. Даже банальный поход в туалет сделался для него сущим испытанием: раньше он пользовался чистеньким и безопасным гальюном в капитанской каюте, а теперь ему приходилось посещать матросский. Расположенный на самом носу клипера, открытый шальным ветрам и водам, представляющий собой грязный грубо сколоченный куб с неопрятной дыркой посередине, он уходил прямо в пугающие зеленовато-неоновые недра Мусорного моря... А если какая-нибудь удалая дикула допрыгнет до этой самой дырки? Что и говорить, даже добраться до гальюна казалось непростым предприятием, особенно в сильную качку, когда вероломная палуба уходила из-под ног. Малейшая волна – и незадачливый матрос, желающий всего-навсего справить нужду, уже сверху донизу облит вязкой водой, в которой плавали кусочки мусора.

Грязь, побои, постоянные издевательства стали его печальной реальностью, в которой не осталось решительно ничего из прошлой жизни. Хотя нет, кое-что оставалось. И это *кое-что* Эрик планировал себе вернуть.

– Кара, я хочу пробраться в свою каюту! – решительным голосом заявил он как-то тряпке во время полуденного перерыва. Матросы отдыхали, забыв про его существование.

– А-ах, – назойливо встряла в разговор «Аурелия», хотя с ней Эрик не планировал советовать, ибо та вела себя по отношению к нему, как совершенная насадка. – Тебя же поймают и побьют! Не делай этого, мой мальчик, у меня и так все паруса разрываются от жалости, когда я вижу твои жуткие синяки!

Но Эрик только раздраженно махнул рукой. Он ждал слов тряпки. Кара, впрочем, тоже скептически поджала бахрому.

– Не припоминаю, чтобы у тебя была *своя* каюта, – наконец, тягуче отозвалась она. Эрик заметно погрузстнел.

– Да, я хотел сказать каюту капитана... Отец перед нашей с ним разлукой подарил мне книгу. Я должен ее выкрасть!

– Похвально, что ты интересуешься чтением. Но нельзя ли ее просто одолжить?

Эрик горько хмыкнул.

– Здесь никто со мной не желает общаться, если ты не заметила.

Кара пожала уголками.

– Но и ты, надо сказать, не особенно стремишься стать чьим-либо собеседником. Прячешься за сундуками, как рифовый акуленок, и скалишь всем зубы. Между тем я заметила, что ты не обделен женским вниманием.

---

¹¹ Деревянный штырь цилиндрической или слегка конической формы, который использовался для скрепления частей деревянных судов.

– Это от кого же? – искренне удивился Эрик, пытаясь припомнить, кто мог быть на судне женского пола. Он уже познакомился с болтушкой-бочкой, жеманным клипером, веселыми шканцами¹², дряхлой бабушкой-сундуком – но как-то странно употреблять ко всем этим предметам слово «женщина».

Тогда тряпка указала оборкой куда-то в сторону. Эрик перевел взгляд и вдруг заметил, что за ним самым наглым образом наблюдают. Пикша, дочка Калкана. *Предательница*. Когда на «Аурелии» произошел переворот и отца свергли, та не вступилась за него, а просто стояла и смотрела, комично выпучив глаза. Ему теперь до нее, как до точки Немо¹³. А ведь когда-то Пикша преданно смотрела ему в рот, участвовала в любых, даже самых сомнительных шалостях, стоило только попросить. Она обожала его, но теперь с легкостью переметнулась в стан врагов, впрочем, чего еще ждать от обыкновенной девчонки? И с какой стати она сейчас так пилилась на него? Еще не хватало, чтобы она заметила его увлеченную беседу с тряпкой.

– Ты ей нравишься, поверь старой рванине.

Эрик громко фыркнул. Это замечание показалось ему весьма сомнительным: от него сейчас воняло за версту, фиолетовые волосы спутались и висели как пакли, он был все время избит, из носа периодически текла кровь, пачкая и без того грязную одежду. Из былых излишеств у него остался лишь дорогой плащ – его вернули, чтобы он не простудился и не слег с лихорадкой. Зло прищурился Эрик уставился на девчонку: она, заметив его пристальный взгляд, вспыхнула, по цвету сделавшись похожей на коралл. Неужели в словах тряпки что-то есть?

– Попроси у нее книгу, она принесет, – лениво зевнув, предложила Кара.

– Вот еще, не буду я у нее ничего просить!

– Как знаешь. И сделай одолжение, когда будешь в следующий раз окунать меня в ведро, удержи там подольше, а то я уже давненько не принимала ванну.

Проговорив эту диковатую просьбу, тряпка невозмутимо прикрыла глаза-дырки, сделав вид, что спит. А Пикша между тем подбиралась все ближе к ним. Еще несколько шагов – и она пересечет границу *его* безопасной территории: единственного места, где он мог спокойно отдохнуть.

– Что ты здесь забыла? – раздраженно процедил Эрик, все никак не способный отделаться от мысли, что девчонка явилась невольной свидетельницей всех его унижений. А сейчас она вдобавок спала на *его* гамаке, укрывалась *его* собственным одеялом, питалась в капитанской каюте, а не из общего котла и, верно, неплохо себя чувствовала.

– Я просто гуляю по палубе, – вызывающим голосом ответила наглая девчонка. – Это теперь мой клипер.

– Моя, – механически поправил ее Эрик, вспомнив, с каким очаровательным женским кокетством «Аурелия» просила его протереть поручни на шканцах.

Пикша его, разумеется, не поняла.

– Кстати, ты теперь тоже *мой*. Только странно, что мы больше не играем вместе.

– Лучше вали отсюда, пока я тебе не надавал по шее, – взвился Эрик, но она ничуть не смутилась, только задорно улыбнулась. Пикша ему не нравилась; его привлекали девочки поинтересней. Она была тощей и пронырливой, как морской угорь, ее зеленые волосы, выцветшие на солнце, лохматились на голове, подобно гнезду чайки. Пикша была ужасно неопрятной, ходила в дырявых штанах и полузастегнутой рубашке; даже сейчас, хоть условия ее жизни изменились, она не думала из замарашки превращаться в красотку.

---

¹² Помост либо палуба в кормовой части парусного корабля на один уровень выше шкафута, где обычно находился шкипер, а в его отсутствие – вахтенные или караульные офицеры, и где устанавливали компасы.

¹³ Условная точка в Мировом океане, наиболее удаленная от какой-либо суши на Земле.

– У тебя под глазом синяк, выглядит жалко, – мстительно пропела она и прошла от него так близко, что чуть не задела по носу рукой.

– Все вопросы к твоему папаше, – уже беззлобно отвечал Эрик. В конце концов, какой смысл был им сейчас ссориться? Они теперь друг другу чужие люди.

– А что отец? Он и медузы не обидит, – удивленно отозвалась Пикша.

– Да? Только что-то он не очень следит за матросами, когда они обижают мен-ня! – Эрик не смог сдержаться, звенящий голос его жалобно дрогнул и прервался.

– Я поговорю с ним! – легко согласилась Пикша и была такова.

Эрик проводил девчонку удивленным взглядом, а затем почувствовал, как рядом с его ладонью дергается что-то мокрое и вонючее. Это Кара сотрясалась от хохота.

– Я уж думала, ты сейчас распустишь слюни... «Они обижают мен-ня»! Смешно! Ты мужчина или тряпка?

– Заткнись.

– Проблематично. Я могу заткнуть *кого-то*, а вот сама себя навряд ли... Слышал про двух крыс, которые попали в ловушку? Одна из них так расстроилась, что рыдала до тех пор, пока не утонула в собственных слезах. А вторая прогрызла себе выход на свободу. Какой крысой тебе хотелось бы стать?

– Я в принципе не хочу быть крысой.

– Напрасно. Они всегда тонко чувствуют, когда надо убираться с корабля. Смекалки им не занимать, не то что тебе. Почему ты не попросил у девчонки книгу?

– Я же сказал, что сам возьму ее! – упрямо отозвался Эрик, и тут же принялся размышлять, как бы ему осуществить задуманное. Случай тоже не замедлил представиться.

***

Обычно в пять утра капитан должен был совершать обход палуб вместе с боцманом, дабы проверить чистоту, исправность снастей и доклады вахтенных матросов. Раньше в это счастливое время Эрик нежился в парусиновой койке, покуда его отец совершал положенные действия. Теперь мысль о том, чтобы лишний часок отдохнуть, даже не возникала, зато у Эрика мог появиться шанс пробраться в капитанскую каюту за книгой. Потом, конечно, ему следовало бежать в камбуз помогать Крабу, но с ним он еще как-то договорится, не беда, если опоздает минут на десять. Эрик всю ночь не сомкнул глаз, так как ужасно боялся, что проспит.

Когда на горизонте вспыхнуло тонкое лезвие света, разрезающее тьму, уставшие звезды поблекли, а сонное море оживилось перед приходом солнечного дня, Эрик был уже на ногах. Еще раньше, чем прозвенел колокол и раздалось злые окрики боцмана, он бесшумно направился в сторону капитанской каюты, сопровождаемый жалобными причитаниями «Аурелии». Ужасно переживая, она кудахтала, как дельфин, и только отвлекала его.

Главное – не попасться никому на глаза, иначе его снова жестоко побьют. В голове бушевал шторм, мысли нервно колыхались, потопляя одна другую, сердце билось в груди как сумасшедшее, ибо Эрик боялся. Книга, которой он не придал ни малейшего значения во время разговора с отцом, теперь представлялась ему центром вселенной. Ему почудилось даже, что лучше быть побитым либо же умереть, чем вернуться с пустыми руками. Поражение казалось ему сейчас почти предательством по отношению к отцу. Однако и предприятие, на которое он отваживался, требовало немалой выдержки, смекалки и ловкости. Ведь он сейчас обитал на баке возле камбуза, который располагался сразу за форштевнем¹⁴, а каюта капитана находилась ровно в противоположном конце судна под шканцами, в кормовой надстройке. Эрику следовало пересечь центральную палубу, причем таким образом, чтобы не попасться на глаза никому из матросов.

---

¹⁴ Деревянная или стальная балка в носу корабля, на которой закреплена наружная обшивка носовой оконечности корпуса и которая в нижней части переходит в киль.

– Можете, пожалуйста, не скрипеть? – умолял он шумливые доски, предательски выдававшие его присутствие. И палуба безропотно повиновалась, так как в глубине души искренне сочувствовала незадачливому юнге.

Едва дыша, мальчик пробирался к заветной цели; порой его прикрывали мачты, спасая от разоблачения, а в иной раз начинал барахлить компас, чтобы отвлечь на себя внимание матросов. Словом, вещи помогали ему в меру своих способностей, благодаря чему он без приключений добрался до знакомой каюты. Тихонько войдя внутрь, Эрик оробел. Так странно вновь оказаться здесь – в родном доме, где он теперь был всего лишь гостем, да и то нежеланным. С беспредельной тоской Эрик смотрел на большой дубовый стол с выемками для чертежных документов – монолитный, под стать бывшему хозяину, на устрашающе-хрустящий пол, выложенный черными зубами дикул, желтоватые рукописные карты, чернильницу, похожую сейчас на склянку с кровью, высокий кожаный стул, подлокотники которого были испещрены схемами местных течений. И все такое близкое, знакомое, но навсегда потерянное для него. Это дикульски страшно: видеть вещи, принадлежавшие родному человеку, но при этом не видеть его самого – обладателя этих вещей. В каждой детали крылась тень отца, но увы, всего лишь тень, а не он сам. Где же теперь капитан Сазан, куда вероломные течения забросили его маленькую шлюпку?

Шатающейся походкой Эрик подошел к столу. От внезапного прилива сильной скорби он на время позабыл, зачем вообще сюда пришел.

«Ах да, мне нужна книга».

Он, помнится, спрятал ее под наволочку в свою парусиновую кровать-гамак. Подумав только о деле, Эрик принялся судорожно развязывать койку, отчетливо понимая, что времени у него совсем немного. Страх снова закрался в сердце, отодвинув скорбь. Если его сейчас заметят, что с ним сделают? Воздух словно бы сгустился, став непригодным для дыхания, пот скатывался по лбу, но он, забыв обо всем на свете, искал книгу. Увы, здесь ее не оказалось. Скорее всего, Калкан убрал ее в стол! Эрик принялся судорожно выдвигать ящики, когда вдруг к своему совершенному ужасу, ощутил на плече когтистые пальцы, точно гигантский изопод¹⁵ вцепился в него! До смерти испуганный мальчик оборачивался нарочито медленно, ибо боялся встретиться с неизбежностью лицом к лицу. Впрочем, еще раньше ноздри его уловили знакомый запах: квашеной капусты и испорченной солонины. От всех матросов смердело подобным образом, но от Кальмара вдвойне сильнее, ибо он страдал какой-то неизвестной желудочной болезнью.

– Мерзкий воришка! – визгливо крикнул Кальмар и без предупреждения ударил его по лицу. Эрик неловко растянулся возле стола, однако жестокий моряк не дал ему передышки. Он сгреб почти не сопротивляющегося мальчишку в охапку и, рывком поставив на ноги, пинками погнал на палубу. Возня и крики привлекли внимание других матросов.

– Что ты взъелся на него, Кальмар? – без малейшего участия к жертве, а скорее из любопытства спрашивали матросы.

– Подлый воришка он! Застукал его, когда наглец шнырял по капитанской каюте!

– А, ну раз так, побить его мало!

– Зачем зря силу тратить, кинуть в море, да и все!

– Тогда мы такого славного работничка лишимся... – Слышалось со всех сторон.

Эрик уже не разбирал, кому принадлежит та или иная реплика, ибо готовился к худшему. Они без жалости отправили отца в открытое море, что им стоит в сущности убить его самого? Звери они и есть. Эрик обреченно склонил голову; тело сотрясалось от озноба, из носа снова полилась кровь.

¹⁵ Род крупных равноногих ракообразных, включающий около 15 видов.

– Прекратите! – послышался писклявый голос. Эрик без особой надежды поднял взор и увидел Пикшу: она стояла напротив, гневно сверкая глазами. – Я сама попросила его зайти к нам в каюту и помочь мне передвинуть сундук! – придумывала на ходу Пикша. – Он вовсе ничего не собирался воровать, оставьте его в покое.

– Я-то видел, как он рылся в ваших ящиках! – противным голосом возразил Кальмар.

– Я его об этом попросила! – топнула ногой Пикша. – Он теперь мой слуга, когда хочу, тогда и зову.

Неприятное лицо Кальмара незамедлительно скисло. Очевидно, он желал всласть погрузиться над провинившимся мальчишкой, но вступать в пререкания с дочкой капитана ему, видимо, не хотелось.

– Пусть тогда идет отдраивать палубы! Нечего прохлаждаться! – буркнул он, напоследок наподдав Эрику ногой. Матросы разошлись, представление закончилось. А Пикша никуда не ушла. Она вызывающе смотрела на недавнего «преступника», словно чего-то от него требуя.

Эрик медленно распрямился, пытаясь прийти в себя после удара. Ему отчаянно не хотелось показывать слабые стороны перед девчонкой, но она смотрела на него так внимательно и насмешливо, словно поменялась местами с тряпкой.

– Я, вообще-то, спасла тебя, – фыркнула Пикша. – Спасибо не скажешь?

– Спасибо, – без тени улыбки произнес Эрик, вытирая кровь с лица. Он испытывал в этот момент странные чувства: с одной стороны, был искренне благодарен Пикше за спасение, с другой – ощущал, что теперь зависим от нее, зависим от обычной девчонки, которая совсем недавно сама находилась у него в услужении. Благодарность и уязвленная гордость – сомнительный коктейль чувств, но Эрик разумно понимал, что для его же блага выказывать недовольство не стоит. Надо хитрить, как посоветовала ему однажды тряпка.

– Что ты делал в моей каюте? – строго поинтересовалась Пикша. Эрика передернуло от этого «моей», но он снова заставил себя кисло улыбнуться.

– Хотел забрать одну вещь... Мне ее подарил отец...

– Ты про книгу на непонятном языке?

– Откуда ты знаешь?

Пикша фыркнула.

– Очень просто. Ночью она чуть не продырявила мое ухо своим корешком, так и узнала.

– Я хотел спросить... То есть попросить... – Эрик неловко сбился, ощутив, как от неслыханного унижения полыхает его лицо.

– Я принесу ее тебе! – Избавила его от лишних просьб Пикша. – Мог бы и раньше мне сказать.

***

Вечером Эрик сидел за бочкой и «зализывал» раны: рядом с ним, обернутая в какую-то ветошь, лежала его драгоценность – книга отца. Этот упрямый фолиант помимо невозможности его прочитать оказался еще и загадочно молчалив: из него нельзя было выдавить ни слова.

– Мало читать книги, надо еще уметь их слышать. Фразы состоят из слов, а слова из букв, но смысл нужно искать между строк, – наставительно заявила ему тряпка. – Книга без мудрых идей – это все равно, что голова без мозгов.

– Я не могу разобрать в ней ни слова, что уж говорить об идеях.

– По крайней мере, ты добыл ее, герой, поздравляю.

Эрик тяжело вздохнул.

– Никакой я не герой. Мне отдала ее Пикша.

– Отлично, а почему ты выглядишь так, как будто тебя окунали в ведро с протухшей водой, а затем возили по палубе?

– Потому что я... – Эрик запнулся, не зная, что сказать. Если бы он с самого начала послушал тряпку, этого инцидента можно было и вовсе избежать. – Потому что я дуралей. И ты совершенно права на мой счет, – наконец, горько улыбнулся он.

– Признавать свои ошибки – верный путь к победе, – лаконично отозвалась Кара.

– Какой еще победе, – отмахнулся Эрик. – Иногда я жалею, что вообще живу.

Тряпка посерьезнела.

– А ты, Эрик, сделай так, чтобы не жалеть. У тебя есть руки, в отличие от меня. И голова вроде пока еще на месте. Хотя наличие головы, как показывает практика, не всегда говорит о наличии в ней мозгов. Ты подружился с девчонкой?

Эрик с безразличием пожал плечами.

– Зачем? У меня есть ты.

Кара раздраженно фыркнула.

– Когда я уже научу тебя, что дружить надо с людьми, а не с вещами?

– Наверное, никогда. Люди причиняют боль.

– Не хочу тебя огорчать, мой дорогой, но все на свете причиняет боль. Огонь может обжечь, море – утопить, а дикула – съесть. Даже тряпка в умелых руках способна убить. Но если знать, как со всем этим обращаться, – то и боли будет меньше.

– Я понял. Надо хитрить.

Кара с укором покачала бахромой.

– Этот совет подходил лишь к той ситуации, Эрик. Не стоит все время прибегать к нему. Главное, просто будь хорошим человеком.

Тот упрямо поджал губы – с последним советом он пока еще согласиться не мог. А хитрости работали неизменно. Стало быть, надо хитрить и соблюдать заветы тряпки – вот он рецепт счастливой жизни.

Глава 6. У моря много лиц и все разные

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о калкане? Вид лучеперых рыб, нет чешуи, но тело покрыто шипами и по форме напоминает ромб. Сначала у мальков калкана глаза расположены на разных сторонах туловища. По достижении определенной длины правый глаз смещается на левую сторону. Калкан закапывается в песок и ловит свою жертву, охотится преимущественно ночью.

Прошло довольно много времени – Эрик не считал. Жизнь для него измерялась склянками и каждодневными обязанностями, которых было больше, чем крыс в трюме. Впрочем, он уже не смел жаловаться: если вначале у него еще и появлялись пораженческие мысли, то потом он смог полностью избавиться от них, ибо сносить издевательски-насмешливый вид тряпки было куда сложнее. Эрик, сам того не осознавая, стал сильнее, выносливее; работа в камбузе уже не требовала от него таких нечеловеческих усилий, как раньше. От постоянного пребывания на солнце он загорел, фиолетовые волосы выцвели, сделавшись почти такими же светлыми, как у остальных матросов, он меньше выделялся, и на него перестали обращать внимание. Краб тайком подкармливал своего подопечного; от голода Эрик не страдал. Сердобольные предметы наперебой предлагали помощь, но, разумеется, лишь ту, на которую они были способны. «Аурелия» старалась меньше качаться на волнах, когда Эрику приходилось пробираться к галюну. Ложка умудрялась вычерпывать из общего котла самые сытные кусочки солонины, бобы, горох. Прогнившая бочка усиленно очищала воду для питья, причем, это выходило у нее лишь на словах. Она много трепала языком, но, как часто бывает, мало делала; самый молчаливый предмет и то помогал больше этой бесполезной болтушки. Эрик постепенно привык к тому, что мир вокруг стал как будто более открытым: раньше ему приходилось обо всем догадываться самому, а теперь ему подсказывали вещи; они учили его.

Условия проживания тоже существенно улучшились. Он спал не в душной каюте, а на свежем воздухе: Краб походатайствовал, чтобы юнге выделили отдельную парусную койку. Здесь успокаивающе шелестели волны, отрадно пахло мусором, а легкое свечение, исходившее от моря, позволяло допоздна листать книгу. Эрик каждый день брал ее в руки, честно намереваясь разгадать таинственный шифр.

Загадочный шелест бунтующих волн, свист проказливого ветра в снастях, запах серы и смолы, подрагивающий свет фонарей, освещавших палубу, чувство непередаваемого одиночества и пляшущие символы, которые Эрику нужно было разгадать любой ценой, – эта таинственная и вместе с тем печальная атмосфера надолго отпечаталась у мальчика на сердце. Ему казалось, что узнай он тайну книги – та смилуется над ним и вернет родителей. Поэтому, забыв про страшную усталость, с истомленным лицом и слезящимися глазами, он до боли всматривался в книгу – двести сорок тонких страниц. Вроде бы в ней наличествовала какая-то логика; некоторые символы повторялись, имелись даже знаки препинания, расставленные не хаотично, но как будто по правилам. При этом ничего подобного Эрик ранее не видел. Книга изобиловала также цветными иллюстрациями, грубо раскрашенными. Когда Эрик впервые наткнулся на них, то чуть не закричал от радости. Вот оно, разгадка! С болезненной внимательностью вглядывался он в замысловатые картинки, но и здесь его постигло жесточайшее разочарование: изображенные в книге животные – полулюди, полуробы – столь же мало походили на что-то известное, сколь и буквы не относились к языковой системе, принятой на островах. Зачем писать книгу так, чтобы никто ее не смог прочитать? Почему мать оставила ее, какую цель преследовала? Почему не могла просто объяснить, как это делают все нормальные мамы? Но ничто уже в жизни Эрика не было нормальным: он и сам со своей странной способностью слышать предметы казался себе безумцем.

Впрочем, это не помешало ему коротко сойтись с Карой. Тщательно выжимая в ведро после долгих трудовых будней, он сворачивал ее клубочком возле себя – издали она могла даже сойти за серого котенка. Эрик привык спать с ней, покачиваясь в парусиновой койке; одиночество тогда временно притуплялось. И потом тряпка знала миллион занятных баек.

– Жила-была девчонка-пират – невзрачная, как кусок рванины, – таинственно начинала она своим сиплым, протертым голосом. Приятно шелестевшее море служило аккомпанементом к ее словам.

– Ты рассказываешь про пиратскую тряпку? – развеселился Эрик.

– Что толку о нас говорить? Мы лишь инструменты, материя, пустое. Делаем исключительно то, для чего мы предназначены. А я рассказываю о тех, кто обладает свободой выбора. Не отвлекайся и не дергай ногами, меня начинает укачивать.

Эрик послушно замолчал, прикрывая глаза.

– Эта девчонка страшно завидовала другу, ведь тот, в отличие от нее, был красив и богат. Однажды ей представилась возможность поменяться с ним местами: впервые в жизни она добилась того, о чем мечтала. Теперь она парит над морем, а он пресмыкается у нее под ногами, ползает в грязи, как последняя тряпка. Отличный конец истории. Как считаешь, девчонка стала счастливой?

Эрик задумался.

– Наверное. Ведь она добилась всего.

– А вот и не угадал. Цель была достигнута, но пришло разочарование. Девчонка стала мучиться совестью. Зависть показалась гнусным чувством, которое ей следовало бы выместить из сердца раньше, чем случилась беда. Она поняла, что дружба была куда важнее, нежели ее сиюминутные притязания: ибо есть вещи фундаментальные, на которых все держится, например, каркас корабля, а есть так, украшения – вроде носовой фигуры. Увы, человек очень часто делает выбор в пользу украшения; не отличает истинно важное от поверхностного, поэтому и скользит на мелководье, даже не подозревая, какие красоты на глубине.

– Почему бы им тогда снова не подружиться? – пожал плечами Эрик. Он, откровенно говоря, не понимал глубины конфликта.

Тряпка горько хмыкнула.

– Не так-то просто без последствий залатать большую дырку – нитки все равно будут торчать. Друг ее не простил.

– Значит, это был плохой друг!

– Нет, просто в мире властвует одна печальная тенденция: человек склонен преуменьшать свои ошибки и преувеличивать чужие. Настали времена, когда уже давно никто никого не прощает. Отличный способ самоутвердиться. Почувствовать себя человеком, а не тряпкой. Жаль только, что за счет других.

– Я люблю тебя, Кара... – невпопад, сонно шептал Эрик. – И мы не расстанемся вовек.

– Глупый. Мне уже два года стукнуло, давно пора в топку. И так все нитки лезут в разные стороны, да и протухла я до последнего волокна. Тебе нужно научиться жить самому, а не прятаться за меня, как тряпкиному сынку.

За подобными разговорами проходили вечера, которые сменялись тяжелыми буднями. Но однажды все изменилось. Жизнь Эрика снова дала течь.

А началось все с пресловутого шторма.

***

Вот уже несколько дней Мусорное море лютовало, безжалостно швыряя клипер из стороны в сторону. Гигантские буруны с зеленоватой пеной бесцеремонно врывались на палубу, раздраженно бились в наглухо задраенные люки, пытались перевернуть столь сопротивлявшееся судно. Матросы, хоть и повывавшие на своем веку немало бурь, посерьезнели: лица их замирали в предсмертном томлении, а в глазах отражались бушующее море и животный страх.

Капитан не сходил со шканцев, словно прирос к ним. Толстый, невзрачный, с нахлобученной на голову фуражкой и мокрой щетинистой бородой – он выглядел жалко, ибо из глаз его тоже сочился ужас. Калкан едва ли мог заменить капитана Сазана – бесстрашного и уверенного в себе. Матросы, видно, чувствовали его упадническое настроение, и сами дрожали, как рябь на воде. Эрик все это время жестоко страдал от лихорадки. Забившись в пыльный угол камбуза, он лежал с мокрой тряпкой на голове, бледный и совершенно ни на что не годный. Поистине это были ужасные дни для всех, тягостные. А потом шторм прошел, как ни бывало, ласковое солнце вновь осветило зеленоватую гладь и настало время подсчитать потери.

В трюме добавилось течей, борт проломило в нескольких местах, гигантская волна сорвала часть рулевого механизма – словом, «Аурелии» требовались отдых и починка, как, впрочем, и самой команде. Эрик не знал обо всех этих бедах; он мог только краем уха слышать разговоры матросов, их ожесточенную ругань, которая перемежалась с истерическими воплями клипера. Зато он вполне был осведомлен, что работы у него прибавилось: штормом на палубу нанесло много всякого мусора – коробки, бумагу, упаковки, коряги, водоросли, бутылки; следовало устроить такую уборку, какая ему и не снилась. Бедняга уже забыл, когда столько работал; особенно тяжело это воспринималось после недавно перенесенной болезни. Это все сказалось на его настроении: он был хмур и мрачен, дичился всех больше прежнего.

В один момент, когда он, сжав зубы, на коленях надраивал палубу, увидел перед собой Пикшу. С этого ракурса назойливая девчонка выглядела с ракушечки – длинноногая, в яркой полосатой тельняшке, походившей на платье, с непривычно расчесанными волосами, убранными в аккуратный хвост, с вычищенными ногтями. Эрик раздраженно подумал о собственном жалком облике и мучительно покраснел.

– Твоя рубашка совсем износилась, – серьезно произнесла она. – Давай заштопаю?

– Не надо, – раздраженно буркнул Эрик.

– Я могу тогда поделиться с тобой своей...

– Сказал же, не надо, – чуть грубее возразил он, и тут же отдернул с палубы руку – нахальная тряпка ущипнула его за палец. Кара всегда самым беспардонным образом вмешивалась в их разговоры, и к своей огромной досаде Эрик замечал, что она все время на стороне девчонки.

– Тут воняет так, как будто кто-то не дошел до гальюна, – уколола его Пикша. – Это все из-за тухлой тряпки, которую ты носишь с собой. Ты что, сроднился с ней?

– Не нравится – уходи. Нечего за мной таскаться, у меня много работы.

– Прости, – с невыразимой грустью произнесла Пикша, ласково дотронувшись до его плеча. Эрик сильно вздрогнул; признаться, он уже давно отвык от дружеских прикосновений. Обычно матросы награждали его унижительными пинками или оплеухами, как дворового дельфина, который без приглашения заплыл в их гавань.

– Мы сейчас проплываем архипелаг Артокос. Отец говорил, что мы ненадолго задержимся на острове Черной Каракатицы. Надо клипер подлатать, да и еще кое-какие дела...

Эрик мгновенно напрягся, чувствуя, как сердце сильнее стучит у него в груди. Это был отличный шанс сбежать! Освободиться от угнетателей, сделавших его добровольным рабом.

– Тебя на время стоянки закроют в трюме, – извиняющим голосом продолжила Пикша, словно догадавшись о его бунтарских мыслях.

– Пусть закрывают, – с наигранным безразличием отозвался Эрик. – Какое мне дело до этих островов?

– Я думала, тебе захочется сбежать...

– Глупости. Куда я денусь на острове браконьеров без денег? А здесь мой дом.

– Просто мне показалось, что...

– Ах, отстань! – в сердцах заметил Эрик и, резко встав с места, побрел от нее подальше. Удивительный парадокс: единственный человек на «Аурелии», более-менее расположенный к нему, раздражал его до крайности. Невольно все свои злоключения Эрик приписывал ей:

приставучей дочке капитана, которая все никак не хотела оставлять его в покое. И зачем он ей сдался? Его никто здесь не уважает, он сам себя презирает и ненавидит за то, что никак не может ответить обидчикам и отомстить за отца. Матросы разрушили его жизнь до самого каркаса, а он продолжает послушно начищать палубу – для избалованного гордеца вроде Эрика это казалось сущей галерой.

Обиженный на судьбу и на всех вокруг, брел незадачливый юнга по палубе, спотыкаясь о мусор и свернутые канаты. Он слышал в голове их чертыханья, но не останавливался, ибо шел, сам не зная, куда. Архипелаг... Ах, если бы только он мог взаправду сбежать.

«И зачем я повздорил с глупой девчонкой? Она ведь не виновата в том, что моего отца изгнали. Или виновата?»

Пикша, кажется, сочувствовала ему, но и это Эрик с некоторых пор возненавидел. Приторная жалость со стороны чужих людей – все равно что соленая вода на свежие раны.

На море было тихо и дремотно: после шторма всех нещадно клонило в сон. Даже рулевой у штурвала мерно покачивался, готовый, кажется, забыться в сладостных грезах. Снасти раненой «Аурелии» нетерпеливо поскрипывали, пробуждая сонных матросов, а вдалеке уже были различимы очертания островов – наконец-то, долгожданная земля!

Эрик приблизился к шканцам – там стояли капитан, с посеревшим от усталости лицом, и боцман Минтай, взволнованно теребивший леску в ухе. Они оживленно о чем-то беседовали, даже спорили. Вдруг Эрику послышалось имя отца! Насторожившись, он подобрался поближе и спрятался под лестницей. Отсюда отлично прослушивался весь разговор.

– Я все же считаю, мы неправильно сделали, что оставили капитана в живых! – обеспокоенно говорил Минтай.

– Успокойся, рыбная башка. Он давно сдох, – грубо отозвался Калкан. Эрик поежился, ибо впервые слышал в голосе добряка подобные жесткие интонации.

– Уверенности в этом никакой. Да еще и мальчишка жив. Скинуть его за борт, да и дело с концом.

– Чем тебе мальчишка не угодил, Минтай?

– Мальчишки, на нашу беду, растут. Вдруг он узнает о заговоре и захочет отомстить?

Калкан откинул голову назад и противно расхохотался: ну точно мусорная ворона.

– Кто, сынок Сазана? Мы его достаточно втоптали в грязь. Теперь всю жизнь будет на коленях с тряпкой в руке, поверь моим словам. И потом, вряд ли он догадается, что мы подстроили ту охоту. Все произошло весьма... натурально, – он снова гнусно засмеялся. – А главное – нас никак не прищучить. Устроили бунт так гладко, как, наверное, еще никто не делал до нас.

– За бунт на островах вешают, – пугливо отозвался Минтай.

– Глупый мальчишка еще замолвит за нас словечко, вот увидишь.

Эрик сжал кулаки так, что ногти впились в кожу. Разум отказывался верить, гнев ослеплял его. Его нещадно трясло, ибо правда оказалась слишком несправедливой и оглушающей. Их с отцом подставили. Все было продумано до мелочей, а добрый друг Калкан, поддерживавший его во всех начинаниях, оказался подлой муреной, которая не преминула укусить, как только выдался удобный случай. Вот значит, кто такой друг – это, в сущности завистливый враг, подобравшийся слишком близко к тебе. Калкан отлично знал слабости отца; и в удобный момент ловко обернул их против него. Эрик почувствовал влагу на щеках. Его мир – маленький корабль без рулевого снова перевернулся с киля на мачты. Пока Эрик гнул спину на матросов, ему думалось, будто он сам виноват в произошедшем и со всей строгостью корил себя за это. А сейчас он понял, что все время был лишь частью чьего-то плана. Ему стало дико обидно за отца. Ах, его благородный отец верил каждому из матросов, любил их, как собственных детей, а они его люто ненавидели, завидовали успехам и мечтали занять его место. А Пикша... Не может быть, чтобы Пикша не знала о заговоре. Эрику нужно было срочно прояснить этот

вопрос, словно от ответа зависела его жизнь. Бесшумно выбравшись из-под лестницы, Эрик не помня себя бросился туда, где он оставил подругу. Она сидела там же: расстроенная и задумчивая.

Эрик встал напротив нее, чувствуя, как ярость и злоба буквально прорываются из всего его существа. Пикша испуганно покосилась на него.

– Что с тобой? – слабо пролепетала она.

– Ты все знала? Признавайся, знала? – прорычал Эрик тихо.

– Знала что?

– О заговоре! Против моего отца! А ну, отвечай немедленно!

Пикша резко подняла голову; Эрик увидел, что некрасивое худое лицо ее стремительно покрывается бледностью. Этот жест был красноречивее любых слов. Предательница все знала! И продолжала подмазываться к нему, скрываясь под личиной друга. Эрик ненавидел ее сейчас; как и всех на этом гнилом судне. Наверное, если бы у него в руках было оружие, он бы не задумываясь пустил его в ход.

– Постой! Ты все не так понял! – отчаянно воскликнула она, цепляясь за его руки. Но он отшатнулся так сильно, что чуть не упал за борт.

– Ненавижу тебя! И твоего папашу! – процедил Эрик сквозь зубы.

– Кого это ты там так не любишь? – послышался за его спиной шустрый голос капитана. Калкан, видно, шел за ним, а он был так ослеплен яростью, что ничего не заметил.

Эрик обернулся и бесстрашно встретился с ним взглядом: в глазах одного читалась искренняя ненависть, другого – наигранная доброта.

– Убийца! – обличающим тоном крикнул Эрик на всю палубу. К ним уже спешили матросы; одни желали понаблюдать за представлением, другие просто переполошились.

– Нет, что ты, – ласково произнес Калкан. Словно защищаясь от несправедливых обвинений, он выкатил вперед свое объемное брюшко. – Мы говорили вовсе не о тебе. Разве я могу причинить вред сыну лучшего друга?

Эти слова звучали так искренне и трогательно, что у Эрика на глаза навернулись слезы. Как мог он усомниться? Дружба – это святое; основа, каркас корабля. Разве стал бы Калкан разбрасываться такими важными словами? Растерянный мальчик обмяк, гнев прошел, нахлынула страшная усталость. Калкан протянул ему руки, как бы намереваясь обнять, но в этот злополучный момент «Аурелию» так сильно тряхнуло на волнах, что Эрик не удержался и перевалился за борт. Жадный зев коварного Мусорного моря поглотил его.

Глава 7. Что в море попало, то пропало

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить об акулах? Хрящевая рыба из подкласса пластиножаберных. Акула стоит на вершине пищевой цепочки океана, у нее практически нет врагов. При нападении акула не просто широко распахивает пасть, но и выдвигает вперед свои челюсти. Тигровые акулы совершенно неразборчивы в пище и могут есть несъедобные предметы. Еда в желудке акул может находиться до нескольких месяцев.

Оказавшись в воде, Эрик принялся громко кричать и махать руками. Сейчас его спасут, должны спасти! Тягучие волны с примесью нефти душили его в смертельных объятиях, несчастный трепыхался в них, подобно беспомощному мальку. Сознание стало таким же тяжелым, тягучим и медленным, а спасатели отнюдь не торопились. Мимо него лихо пронеслась корма «Аурелии». Они удалялись! Эрик снова попытался закричать, но из горла теперь выходили только жалкие хрипы и бульканья. Он хотел взять свои обвинения назад, снова унижаться перед матросами, что угодно, только не смерть! Умирать он был совсем не готов.

Но надежда его таяла по мере исчезновения в дымке родного клипера. Вот и все. Его предпочли бросить. Калкан по имени только назывался другом, а на самом деле представлял собой дикулу в человеческом обличье. Сейчас Эрик последует за отцом.

Родители.

Мучительная мысль по-медузы ужалила его сознание: дорогая сердцу книга – последнее напоминание о прежней, счастливой жизни, осталась на борту «Аурелии», а он скоро пойдет ко дну. Удивительное дело, но именно это рассуждение, впрочем, никак напрямую не относящееся к его спасению, тем не менее здорово помогло ему. Губительная паника отступила, Эрик перестал бестолково барахтаться и глотать грязную воду, мутным взором он попытался даже осмотреться. Вокруг, насколько хватало взгляда и много дальше – безбрежные маслянисто-радужные воды. От сильного запаха мусора сводило внутренности. Знакомый остров гнилым огрызком маячил на поверхности моря, доплыть бы туда. Но Эрик точно знал, что не справится, у него попросту не хватит сил. Нет, попытаться, конечно, стоило, Эрику дикульски хотелось жить, хоть он и понимал, что жизнь его в глазах других людей перестала иметь ценность. Будучи сыном всемогущего капитана Сазана, он стоил миллионы фугархамов¹⁶, а теперь превратился в бесплатный мешок с отходами. Стиснув зубы, незадачливый пловец всеми силами устремился к знакомому берегу, стараясь не заглатывать ртом тухлую воду. Известно, сколько времени прошло в этой неравной борьбе со стихией, но мышцы уже начало сводить от напряжения. Только злополучный остров все не приближался, и, отчаявшись, Эрик заплакал, еще больше смазав желаемую картинку спасения. Впрочем, он рано сдался. Чаще всего человек льет слезы по совершенно необоснованным причинам, словно не знает: всегда может стать *гораздо* хуже. Даже если он уже наполовину труп, облепленный пираньями.

Со дна повеяло чем-то ледяным, мрачным, словно течения поменялись. Но Эрик догадывался, что дело не в течениях. Каким-то шестым чувством он уловил приближение смерти. Теперь уже наверняка. Вода уродливо булькнула, на поверхность выпрыгнул крупный углеводородный пузырь. Еще один, и еще. Водяные торпеды со дна моря. Эрик замер на месте, подавшись движению волн; он пристально наблюдал за таинственными пузырями, словно в них крылось объяснение его беспричинного страха. Они ведь неспроста здесь. Ничто не происходит случайно.

Бульк.

¹⁶ Денежная валюта на островах, относящихся к Империи Рыбы Фугу.

Страх сковал мышцы, притупил работу мысли. Если он сейчас ничего не предпримет, то умрет, как трус. Очередная волна выплонула в воздух склизкое щупальце, усеянное жалащими пробками. Эрик знал, что зловещая тень под его ногами – это гигантская пасть, уже готовая заглотить его. Около трехсот острых зубов в несколько рядов. Люди, которых поража́л яд дикулы, умирали поистине мучительной смертью.

В этот печальный для себя момент, Эрику вдруг стало смешно. Он мысленно представил свое холеное тело, которое постепенно превращается в кровавый кусок мяса. Как забавно получилось. Совсем недавно его нежной кожи не касался луч солнца, все его баловали и засыпали комплиментами, и в будущем он обещал стать капризным себялюбцем, который трясется за шмотки больше, чем за собственную жизнь. Но своевольный мир решил резко поменять отношение к баловню судьбы; не от того ли, что по-настоящему возлюбил его?

– Дикулы! Там дикулы! – Раздалось испуганное в воздухе. Эрик очнулся от полуобморочного состояния и pokrutil головой. Чуть правее от него на волнах покачивалась лодка с бронированным корпусом, как же он ничего не заметил? В ней сгрудились рыбаки – мальчишки с острова, немногим старше его самого. В руках одного поблескивал пугач.

По виду парни не трусили, но им ничего и не угрожало: дикула ни за что не пробьет дно лодки. Впрочем, она легко могла перевернуть ее и выковырять добычу как консервы. Эрик сделал несколько жалких гребков в сторону спасительной лодки.

– Помогите! – хотел было взмолиться он, но получилось издать лишь слабый всхлип. В ответ безжалостное щупальце мазнуло его по плечу, и вот тогда Эрик взвыл, ибо ничего ужаснее в жизни еще не испытывал. Боль кипятком расплзлась по руке, которая отказывалась ему подчиняться, в открытый рот хлынула вода, отчего внутренности вывернуло наизнанку.

– Смотрите! Человек! – наконец-то воскликнул один из рыбаков.

Его заметили, какое счастье! Но видимо удача надолго покинула своего бывшего фаворита. Эрик ожидал всего, но только не того, что ему довелось услышать: мальчишки злобно засмеялись, тыча в него пальцами. – Сейчас его сожрут! Посмотрим представление и свалим.

Эрик застонал от отчаяния: под его болтавшимися ногами находилось голодное враждебное существо, жаждущее расправы, равно как в лодке – точно такие, и желали они того же. Имелась ли между ними хоть какая-то разница? Бедняга обреченно закрыл глаза, ожидая скорой развязки. Но дикула повела себя нестандартно. Она не стала его есть, ограничившись малой кровью – ожогом на плече. Прошла ужасающая минута, которая показалась Эрику целой вечностью. И все же как порой относительно время! А потом раздались разочарованные выкрики: жестокие твари с лодки так и не насладились кровавым зрелищем.

– Ладно, поплыли отсюда, смысл смотреть на труп! – с ужасающим равнодушием произнес татуированный парень, сидевший на корме.

– Зачем ты так, Палтус? А если его карманы набиты золотом, как наши унита́зы – дерьмом?

– Не смей меня. Это такой же мусор, как и все вокруг.

Эрику показалось, что рубиновый дракон с кожи татуированного парня смотрит не менее холодно, нежели его обладатель. Значит, Палтус? Поистине некоторые люди недостойны имен.

Можно было, конечно, еще раз попытаться попросить о помощи, переступив собственную гордость – жизнь ведь стоила того? Эрик уже открыл рот, чтобы произнести умоляющие слова, но взор его уперся в преграду – обычное дело, у берегов Каракатицы хлама, хоть отбавляй. Но это был не просто мусор, а большая пузатая бочка с заклепками, вполне неплохо державшаяся на плаву. Последним усилием воли Эрик занырнул в нее, чувствуя, как она чуть притапливается под его весом.

– Помоги мне хоть ты, – слабо пролепетал он и отключился.

***

Потом началась непрекращающаяся борьба с лихорадкой. Исходов ожидалось всего два: либо он умрет, либо выживет, иного не дано. Место ожога болело так, что хотелось выть – однако Эрик вспоминал насмешливую улыбку тряпки и ожесточенно стискивал зубы. Какой прок лить слезы, если всем на тебя наплевать? Это отцу он мог показать характер, чтобы добиться желаемого, а здесь кому зубоскалить – бочке? Та, впрочем, оказалась весьма понимающей и заботливой.

– Я буду защищать тебя, человеческий детеныш, до последней щепки, – с забавной преданностью повторяла она ему, покуда Эрик метался в болезни. Ему все казалось, что вода зальется внутрь, и они пойдут на дно. Но, вопреки всем его ожиданиям, ничего плохого не случилось.

Прошло не так уж и много времени (хотя, так, может, показалось ему в бреду), когда бочка, наконец, уперлась в твердый, замусоленный грязным морем берег.

– Бригантина доставила молодого господина со всеми удобствами, – весело провозгласила она, ибо была той еще шутницей.

С трудом Эрик выполз на маслянистый песок – его тут же вырвало. – Советую поскорее найти покровителя, если не хочешь, чтобы твое днище оказалось в шакальской глотке! – Таковым было последнее напутствие от добродушной бочки.

– Спасибо, – прохрипел Эрик. Совет казался разумным, но сил ему следовать не осталось совсем. Дрожа от мучительного холода, Эрик медленно пополз по черному берегу, стараясь не врезаться в коварные рифы в виде грубо сколоченных ящиков, встававших у него на пути. Ладони его были изрезаны в кровь осколками разбитых бутылок, но Эрик почти не чувствовал боли. Он знал лишь, что если остановится – умрет. Остановка всегда грозит гибелью, ибо жизнь – это непрерывное движение. Эрик полз все то время, что находился в сознании. Подняться он не мог, ноги не держали его. В один момент ему все же пришлось остановиться: перед черным полиэтиленовым пакетом, от которого многообещающе пахло сладковатым душком. Превозмогая отвращение, Эрик почти целиком залез в утробу пакета в поисках долгожданного обеда. Какая удача – кусок еще не успевшего заплесневеть хлеба! Эрик с жадностью дикулы вонзился в него зубами: наверное, со стороны могло показаться, что в его худеньком тельце и повадках не осталось ничего человеческого. Совсем ничего. Только безумная воля к жизни. Он съел лишь половину, хоть голод зверски терзал его. В нынешних условиях не следовало проявлять расточительность. В ближайшей луже Эрик смог напиться: вода была такой грязной, что песок скрипел на зубах.

Ночь Эрик провел на берегу, лежа на дырявом куске парусины, от которого смердело рыбой. Сухими от лихорадки глазами он смотрел на небо – последнее чистое место в их заплесневелом мире. Заманчиво мерцали звезды; кажется, отец учил его распознавать созвездия. Эрик уже не был в этом уверен, ибо все, что касалось прошлого, представлялось столь же далеким, наивным и чистым, как этот прозрачный небесный купол над головой. А вокруг только горы мусора. Ему, наверное, стоило последовать совету бочки: скорее уйти с берега и найти себе покровителя. Однако Эрик не решился это сделать. Там, в недрах зловонной пасти острова, жили самые страшные создания на свете: люди. А здесь пустынно, встречаются даже еда и вода.

На следующее утро стало чуть лучше: его удивительно живучий организм победил болезнь. Только вот плечо болело по-прежнему, а есть хотелось с удвоенной силой. Воровато глядя по сторонам, Эрик достал скудный завтрак и уже намеревался прикончить его, как вдруг увидел еще одни голодные глаза – большие и печальные. Какой-то грязный оборванец лет пяти, черный как нефть, выглядывал из-под разорванного брезента и нервно облизывался. Мелкий, голодный крысеныш. Эрик демонстративно провел по губам куском хлеба, наслаждаясь его шелковой мягкостью. Мальчишка с вожделием и завистью наблюдал за этим нехитрым движением. Эрик раздраженно выдохнул.

– Пошел отсюда, дикулье отродье! – грубо буркнул он, но тот не двинулся с места, а лишь забавно повел ушами.

Эрик перевел взгляд на драгоценный кусок хлеба в руке. Общепринятые законы гласили: сильные пожирают слабых, каждый сам за себя, миром правят фугархамы, – все это звучит очень логично на страницах древних учебников. С подобными постулатами хочется соглашаться, если ты сыт, одет и находишься на вершине пищевой цепочки. Однако, когда сам сталкиваешься с последствиями этих бездушных законов, то уже понимаешь: а ведь можно жить иначе. Глупо, нелогично – да, но иначе. Те мальчишки в рыбацкой лодке могли его спасти и обрести себе верного друга, но они предпочли следовать общепринятым законам. Если бы они тогда находились на месте Эрика – в два дельфина от пасти дикулы, то рассуждали бы по-другому.

Думая подобным образом и чувствуя непреодолимое отвращение к самому себе, Эрик кинул мальчишке кусок хлеба, тот зубами поймал его на лету, словно дрессированный дельфин. И тут же скрылся с добычей. Еда ушла легко, но Эрик не жалел о ней. Он точно знал, что поступил глупо, но при этом понимал также, – догадывался тем самым внутренним чутьем, – что так правильно.

Глава 8. Крысы, что живут на корабле, не ищут еду на земле

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о морской крысе? Род хрящевых рыб отряда химерообразных. Название связано с длинным и тонким хвостом, который напоминает крысиный. Большую часть жизни проводят у дна, редко всплывают на поверхность. Острых зубов нет, но есть зубные пластины, разрывающие жертву пополам.

Эрик стал береговой крысой. Ему уже приходилось быть мальчиком на побегушках, но теперь он спустился еще на одну ступень в человеческой иерархии, ту самую, что и так уже находилась на дне. Засыпать под открытым небом, кутаясь в истерзанные обрывки того, что раньше называлось одеждой, с головой нырять в мусорные пакеты, отбивая добычу у местных грызунов, страдать каждый день – причем всегда по разным причинам. От зубодробительного холода, мучительной жажды, голода; словом, развлечений было хоть отбавляй, они соревновались друг с другом в своей изощренности. Днем ему приходилось прятаться в сырых джунглях, а ночью охотиться на открытых местах: встречи с людьми грозили опасностями. Иногда по берегу шныряли ватаги пьяных пиратов, глаза их были застланы подозрительным дурманом, а густые бороды испачканы в светящихся соусах и выпивке. Они могли запросто перерезать друг другу глотки, совершенно беспричинно, забавы ради.

Иные сумасшедшие справляли по ночам жуткие обряды: приносили крыс в жертву, отрезая им головы и насаживая на бамбуковые колья. Потом били в барабаны и, высунув языки, отплясывали зловещие ритуальные танцы. При виде психов, Эрик убежал со всех ног, ибо подозревал, что для своих целей они вполне могут использовать человека. Беззащитный подросток, который и драться толком не умеет – идеальная жертва для подобных обрядов.

И все же он пока еще был жив. Это представлялось удивительным: на его глазах повсюду гибли люди – такие же, как он, либо еще хуже. Эрик увидел остров Черной Каракатицы совсем с иной стороны: неприглядной. Одно дело смотреть на него с высоты обеспеченного и уважаемого всеми человека, и совсем другое – осторожно выглядывать с протухшего дна. Эрику следовало пристать к разбойной компании, ведь вместе легче добывать пропитание. В команде кто-то смог бы поручиться за него, защитить, взять под свой плавник. Но проблема заключалась в том, что Эрик совершенно не доверял людям и боялся их более всего на свете. Видя в них главный источник зла и страданий, он старательно обходил любые подозрительные скопления людей. Однажды, впрочем, Эрик нарушил временное отшельничество.

В тот день ему дикульски не повезло, ибо он не нашел себе корма. В мыслях бедолага так и называл теперь еду: не пища, не пропитание, а корм. Все просто, как у рыб.

Мусорные пакеты оказались весьма ненадежным поставщиком: островитяне редко расставались с ценными продуктами.

Вывернув наизнанку около ста предательских кусков полиэтилена и изрядно утомившись, Эрик совсем отчаялся. Силы были на исходе. В этот голодный день он изменил своей традиции выходить на охоту ночью, и пришел на берег раньше, в предзакатное время. Пакеты, озаренные солнцем, все же куда проще выпотрошить, нежели при жидком свете луны.

Пляж Голодной устрицы был непохож сам на себя: везде курились едкие огни, разукрашенные островитянки прыгали через костры и оголтело потрясали факелами, повсюду играла громкая, выбивающая барабанные перепонки музыка и слышались дикие вопли, от которых хотелось скрыться. Самые разные компании выходили на берег – подрываться, накачаться дурманом, расслабиться. Жалкие отбросы общества резко контрастировали с другими – по сути, тоже отбросами, но благополучными; к последним раньше относился Эрик. А сейчас он завис

где-то посередине: для татуированных полулюдей, грызшихся на свалках, он еще оставался слишком человечным, но при этом до богачей уже недотягивал. Успешных островитян на Каракатице презрительно называли чистюлями: те зарабатывали в основном на производстве и продаже очистительных фильтров, откуда и пошло название. Благоухая свежей одеждой и поблескивая золотыми сережками в ушах и носах, чистюли степенно прохаживались по пляжу.

Разноперая толпа немного испугала Эрика, но он не захотел убежать: доведенный до крайней точки отчаяния, дикульски голодный и уставший, он как будто отрешился от происходящего, ему стало все равно. Безразлично глядел он на ряженных людей: те мутным потоком пронеслись перед ним, никого не замечая на пути. Но *кое-кто* все же обратил на него внимание.

Эрик сидел на перевернутом ящике, с маниакальной сосредоточенностью глядя себе под ноги, как вдруг прямо перед ним на землю приземлилась аппетитная корзинка из сладкого песочного теста, в которой поблескивали красные икринки. Ему было знакомо это дивное лакомство, теперь, увы, совершенно недоступное. И вот сейчас столь желанная еда лежала прямо у его ног, словно свалилась с небес. Секунду он смотрел на нее голодным взором, а затем перевел взгляд наверх. Ему представилось чрезвычайно важным узнать, кто кинул ему эту корзинку.

На него свысока смотрела очень симпатичная девочка: словно дивная сирена выплыла на берег! Зеленые, как и у большинства островитян волосы, но какие! Сам нефрит посоперничал бы с ними по глубине и насыщенности оттенка. Сверкающая грива морской сетью оплетала худенькие, но по-девичьи округлые плечи, на стройных бронзовых ногах виднелся золотистый пушок, изящное личико с высокомерно вздернутым носиком расплылось в улыбке, но не искренней, а насмешливой и злой. Серые с поволокой глаза ее внимательно наблюдали за ним, как за подопытным крабом. Эрик догадался, почему она смотрела. Богачке хотелось поглядеть, как он будет алчно засовывать себе в рот эту корзинку, давась слюнями. Эрик жадно сглотнул и еще раз украдкой покосился на угощение, столь издевательски ему предложенное.

– Давай, жри! – грубовато приказала красотка и вся даже как будто вытянулась, в предвкушении веселенького зрелища.

Руки дрожали от слабости, живот урчал от голода, но Эрик, сам того не ожидая, предпринял весьма глупый поступок – далеко не последний в своей жизни: вдавил босой ногой корзинку в песок, с каким-то особенным садистским наслаждением ощущая, как маленькие икринки лопаются под его пальцами. Затем он с дерзким вызовом взглянул на девчонку. Что, съела, чистюля?

Дымчатые глаза округлились от удивления, игольчато-острые ресницы затрепетали. На смуглом лице отражались по очереди разные эмоции, однако Эрик не умел в них разбираться. Но, надо отдать ей должное, и богачка смогла удивить. Неожиданно она встала перед ним на четвереньки, вжимая идеально-круглые колени в склизкий песок. Властным движением протянула его к себе за плечи и солено поцеловала в губы – довольно неумело, робко, но при этом вызывая поистине головокружительные ощущения. Вены вспенились кровью, словно внезапно начался шторм, разум опалило разрушительным огнем, сразу стало очень жарко, хотя до этого Эрик мучился от холода. Заметив предательскую реакцию его тела, девчонка саркастически хмыкнула и резко прервала контакт.

– Зря ты все-таки ее не съел, – поучительно бросила чистюля перед тем, как уйти. Она наградила его двумя подачками: от одной он отказался, проявив силу воли, а от второй просто не смог.

Эрик тоскливо посмотрел ей вслед. Самое унижительное во всей этой ситуации было то, что девчонка ему ужасно понравилась. Он мечтал предстать перед ней в ином свете: хорошо одетым, причесанным, пахнущим свежей морской солью, а не помойкой. Он бы геройски спас чистюлю от сомнительной компании, а та бы вновь подарила ему солено-сладкий поцелуй со вкусом цитрусовой жвачки. Но увы, все обстояло совсем не так. Далеко не так. И тогда Эрик,

сумрачно глядя на полыхающие огни факелов, окончательно принял решение, как будет жить дальше. Он вернет себе то, что у него отняли обманом. Вернет любой ценой, даже если придется хитрить.

Глава 9. Лови рыбу – удочкой, а сирену – дудочкой

Спустя пять лет. Мир надводный.

Свадьба – это, несомненно, хорошо. Особенно когда женится император, ведь после праздничной церемонии каждому островитянину бесплатно выдадут по бочке питьевой воды. Дворец, висевший на уступе черной базальтовой скалы, в столь торжественный день выглядел особенно празднично. Трехъярусная крыша с приподнятыми краями, покрытая синей глазурованной черепицей, представлялась застывшим куском неба. Казалось, прекрасное мгновение остановилось на миг, дабы люди, не успевающие наблюдать красоту, могли насладиться вечным. Солнце ласкало изящный позолоченный шпиль, как пылкий юноша – стан любимой девушки. Освещение, краски, форма делали дворец почти невесомым, чудилось, моргни – и он раскинет крылья и улетит со своего постамента, подобно фениксу. От парадных дверей к самому берегу змеилась сверкающая дорожка из ракушек, упиравшаяся в небольшую корабельную пристань. Фуга поистине считался самым живописным и ухоженным островом архипелага Артокос, однако сегодня гостей мало привлекали его красоты. Их не очаровывали драконовые деревья, похожие на гигантские изумрудные зонтики, белоснежные волнообразные дюны, где песок был таким мягким, что походил больше на муку¹⁷. Нет, все это не интересовало пресытившихся людей, ибо они жаждали лицезреть нечто иное. Прелестную жемчужину, что могла своей неземной красотой затмить все вокруг. Юная невеста императора. Со сверкающей диадемой на гордо поднятой голове, облаченная в многослойное платье из золотой парчи, струившееся по ее совершенному телу как жидкий воск, с тонкими запястьями и большими, как у дикой серны, глазами, в которых застыло потаенное лукавство – вот то, что было доступно алчущим взорам. Изящный веер с изображением павлинов скрывал половину лица, не давая увидеть росчерк желанных губ. Император Шерсах мечтал рассмотреть избранницу целиком, но следовало сперва соблюсти священные ритуалы – например, распитие рыбного вина из разделенных надвое тыкв-горлянок, что символизировало единение молодых супругов. После этой церемонии следовала другая, не менее важная: плавание на плоту и совместное вкушение ядовитой рыбы фугу, – почти повсеместно запрещенного лакомства, кроме императорского двора. Самый маленький кусочек был способен умертвить, однако на островах умели правильно готовить это блюдо.

Под чарующую музыку бамбуковых флейт император медленно подошел к избраннице, его даже немного знобило от нетерпения. Прекрасную жемчужину привезли с отдаленного острова благочестивых жен: там не ступала нога мужчины, а девушки были невинны и чисты, как родниковый ручей. Только знатные особы имели право срывать эти запретные плоды, чем, конечно, они всю пользовались, ибо считали, что прелестниц разводили исключительно для их утех. Когда император подошел к девушке и нетерпеливо отвел в сторону веер, в воздухе запахло розовыми пионами. Любопытные придворные вытянули шеи, пытаясь рассмотреть диковинную жемчужину. На щеке у невесты красовалось имя императора и знак вечности, нарисованные киноварью. Шерсах раздвинул полные губы в улыбке, ибо увиденное не разочаровало его. Вот оно, совершенство во плоти!

Однако тут же легкая тень пробежала по лицу высочайшей особы: какой ужас и позор, несоблюдение ритуала! У невесты в руке была зажата раковина каури, однако по традиции она должна была держать зеркало, чтобы отражать злых духов. Густые брови императора сошлись на переносице, он недоуменно смотрел на руки избранницы, совершенно не представляя, как

---

¹⁷ Аллюзия на один из самых изолированных в мире архипелагов – Сокотра. Долгая геологическая и биологическая изоляция Сокотры и особенности климата способствовали появлению на архипелаге уникального растительного и животного мира, которому свойственна высокая степень эндемизма.

поступить. Что все это означало? Странно, что невеста не слышала о столь значимых традициях, которые были известны даже детям! Неужели на острове невинных дев не учат подобным вещам? Все это невероятно смутило его; придворные, очевидно, тоже почувствовали неловкость. Слава морскому покровителю, к ним в ноги метнулась служанка: упав на колени перед невестой, она протянула ей маленькое зеркальце в перламутровой оправе. Какое счастье, церемонию можно продолжать! Шершах удовлетворенно кивнул. Однако рано было ликовать. Лицо невесты неожиданно покрылось смертельной бледностью. Вместо того чтобы взять предложенную вещь, она с недюжинной силой отпихнула служанку; да так, что бедняжка, закричав от страха, уронила зеркало. Оно разбилось о камень, а невеста без сил осела на мостовую, потеряв сознание.

***

Открыв глаза, Аурелия сперва не поняла, где находится. Мысли были подернуты мутной рябью, воздух казался отвратительно едким и душным. По привычке она принялась открывать рот, чтобы проглотить его и вытолкнуть через отверстия по бокам глотки – но ничего не получалось! Он словно застревал в ней, отчего возникло скверное чувство переполненности. Нервным движением Аурелия схватилась за грудь – красный бархатный мешочек на веревке никуда не делся. Отдышавшись, Аурелия увидела перед собой перепуганное лицо целительницы – согнутой в три погибели старушки, напоминающей морскую каракатицу.

– Ах, госпожа! С вами все в порядке? – прошамкала она беззубым ртом. – Церемонию пришлось перенести на вечер... Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, – легко соврала Аурелия. С ней часто случались приступы на суше, но еще больше мешали резкие перепады настроения. – Мне бы только подышать морским воздухом, – поспешно добавила она.

– Конечно, детка. Император сейчас с гостями, они празднуют. Но ты вполне можешь немного передохнуть.

– Он сильно переживал за меня?

Старушка неловко качнула головой. Аурелия про себя усмехнулась. Скорее всего, он трясся за общественное мнение, но никак не за нее. Лю-юди, чего еще от них ждать?

– Передай господину, что я скоро присоединюсь к торжеству. Прогулка по пляжу приведет меня в чувство.

Целительница кивнула, но не тронулась с места. В ее чернильном взгляде застыла неуверенность.

– Детка... Подскажи, ты ведь упала в обморок, потому что волнуешься, да?

– Да... Свадьба – это очень волнительно, – застенчиво отозвалась Аурелия. – Особенно когда ты в первый раз видишь мужчину так близко.

Целительница с пониманием улыбнулась и вышла из шатра; старуха весьма удивилась бы, если бы узнала, сколько мужских особей она уже пересмотрела за свою жизнь, причем гораздо ближе, чем императора. Впрочем, никто из них не сравнится с любимым Тертром, но это совсем другое.

Когда старушка вышла, Аурелия легко поднялась на ноги, затем поискала сумку из рыболовных сетей, наполненную бутылками, и тайной тропкой спустилась на пляж. Ее ласково поприветствовала белоснежная лагуна. Море здесь было теплым и удивительно чистым: таким, каким ему надлежало быть. Вокруг императорского острова всегда отлично очищалась вода, чего не скажешь об островах победнее, где люди и мусор плавали по соседству. Но скоро все изменится. С задумчивым видом Аурелия прошлась по песку, ощущая странное покалывание в ступнях. Никак она не может привыкнуть к ногам – этим двум уродливым отросткам. Вроде прошло столько лет, а они все еще кажутся ей чужими. Подойдя к воде, Аурелия с тоской посмотрела на родные волны, лизавшие белый берег. Ей хотелось потрепать их по гребням, объяснить, что все будет хорошо, она обязательно исправит свою ошибку. Однако вместо этого

сделала другое: принялась поочередно доставать бутылки из сумки и кидать их в море. С дурашливым плеском пронзали они толщу воды – чем больше пригласительных она отправит, тем лучше. Кто успеет – получит место в первом ряду. Так всегда интереснее наблюдать представление, можно даже прочувствовать мельчайшие детали: шелест ветра, запах пота, разглядеть приветливую гримасу смерти.

***

Закат на островах – это нечто особенное. Даже местные жители, уже давно привыкшие к этому явлению, выходили на берег, провожая старый день. Небо полыхает огнем: пожар, который прекратится, лишь когда янтарное солнце совсем уйдет в темноту. Волны перешептываются друг с другом, рассказывая последние сплетни, темные силуэты хищных рыб угрожающе зависают на дне. Но сегодня закат был другим – кровавым.

Изящный плот из бамбука с загнутыми носами, устланный пурпурными коврами из шелка, лениво дрейфовал недалеко от берега. На нем горделиво восседали новобрачные, только что закончившие необходимые ритуалы. Император задумчиво смотрел на избранницу: дева сидела с невероятно прямой спиной, точно ей вбили между лопатками палубные доски. Нежный овал лица, подкрашенный закатом, нефритовые глаза и излишне длинные ресницы, добавлявшие юному образу толику трагизма и мрачности. Это лицо поражало, ибо, с одной стороны, казалось трогательно юным, а с другой – словно носило отпечаток вековой скорби. Влюбленных разделял фарфоровый поднос с двумя пиалами и блюдом побольше, на котором лежали тонко-нарезанные кусочки рыбы фугу, выложенные в виде птицы феникс – их совместная трапеза. Последний штрих, и двое станут одной плотью. Красавица развернулась к господину и, макнув кусочек рыбы в уксусный соус, поднесла к своим сахарным устами. Затем, словно передумав, протянула императору.

– Возьми, свет очей моих, – почтительно произнесла она, при этом дерзко улыбнувшись. Контраст между невинностью ее слов и порочностью улыбки был столь силен, что Шершах почувствовал, как его охватывает пьянящее возбуждение. Дева с островов оказалась еще более соблазнительной, чем он только мог себе вообразить. Он с трепетом взял дар из ее тонких рук, и сперва тоже провел по губам, как бы продлевая прелюдию. Затем съел кусочек. Желеобразное мясо, такое нежное, что таяло во рту. Надо бы похвалить главного повара – не каждый способен искусно приготовить самую ядовитую рыбу морей.

Жена не торопилась приступать к трапезе. Над головой покачивались бумажные фонари – такие же пурпурно-красные, как и ковры под ними. Император погрузился в приятные размышления. В жизни не перестаешь любить четыре вещи: чистое море в отблесках заката, старых друзей, мудрые книги и красивые цветы¹⁸. Перед ним как раз сидел прекраснейший цветок всех островов до самого горизонта, Шершах в этом не сомневался ни секунды. Он не знал, сколько времени прошло в этом молчаливом созерцании. Солнце уже почти утонуло во тьме, на поверхности воды появились силуэты огромных скатов, стало прохладнее. Неожиданно император ощутил, как подозрительно немеет кончик его языка. Странное, неприятное чувство – секунду назад ты вполне контролировал свое сильное тело, и вдруг оно вероломно предает тебя! Мужчина смущенно взглянул на жену – та не шелохнулась, ну точно каменное изваяние в императорском склепе.

– Я... – хрипло начал Шершах и трусливо замолчал. Ему стало трудно дышать, легкие сковало в тиски, что такое? Неприятные ощущения поражали его одно за другим, и он чувствовал себя беспомощнее рыбы, выкинутой на берег. Бедняге почудилось, будто из моря высываются черные существа, с любопытством наблюдая за его смертельной агонией. Так быстро, на пике наслаждения, неужели, это конец? Отчаянный страх накатил волной и отступил, мысли

---

¹⁸ Отсылка на цитату китайского автора Лу Шаояня.

перекрылись невидимой плотиной. Великий император – полноправный вершитель островных судеб, увы, потерял контроль над собственной жизнью.

Аурелия ласково приобняла мужа за плечи, немного покачала его как младенца, а затем обвела глазами море. Казалось, она высматривает там кого-то из знакомых. Улыбнувшись сама себе, она легко опустила мужчину на днище плота и прикрыла ему глаза полоской из черной ткани, пропахшей жасмином.

– Спи счастливо, свет очей моих, – с наигранной скорбью произнесла она и принялась петь. Это была не совсем обычная песня, а, скорее, воспроизведение звуков природы: бурление воды в шторм, волнующий рокот водопада, стук камней, свист ветра в расщелинах, эхо подземных пещер, голоса серебряных странников. Весь подводный мир был заключен в этой замысловатой песне, и море замерло в восхищении. Приглашенные морские обитатели понимались со дна, чтобы насладиться печальным голосом новой императрицы. Аккомпанируя, они взбивали воду своими хвостами: узорчатые брызги долетали и до тех, кто сидел на плоту. Впрочем, одному из них было уже все равно, а другой слишком любил море, чтобы на них сердиться.

***

В загадочной смерти владыки островов виновным объявили повара, не сумевшего должным образом приготовить рыбу фугу. Совет мусорщиков – единственный государственный орган, который в настоящий момент ограничивал власть Аурелии, впрочем, настаивал на собственном разбирательстве. Но достойной замены императору пока не находилось, а юная вдова вполне подходила на роль законной владычицы архипелага, так что вялое расследование постепенно сошло на нет.

Новоиспеченная императрица оказалась куда более энергичной, нежели ее почивший муж. Она принимала чиновников почти каждый день; дел было немерено. В первую очередь ее волновали контрабандисты, устраивающие незаконный отлов серебряных дельфинов. Животные и так уже находились на грани исчезновения, а ведь только они могли очищать море. В местах обитания дельфинов водились старые виды рыб, которых уже почти забыли, а вода там была удивительного оттенка, тоже почти забытого – лазурного. Морские разбойники незаконно умерщвляли бедняг и сбывали их туши на туманном рынке. Из дельфинов местные умельцы изготавливали фильтры для очистки воды, очень дорогие, между прочим. Нетрудно догадаться, что их могли позволить себе только весьма зажиточные островитяне, каковых было не так уж и много.

Архипелаг Артокос включал в себя четыре острова, Аурелию же беспокоил самый отдаленный и грязный клочок земли под названием Черная Каракатица. Туманный рынок браконьеров разросся до невиданных размеров; там грабили на каждом шагу. Любой плут мог стать богатейшим человеком за один день, равно как за такой же срок потерять все свое состояние. На Каракатице процветали рынки рабов, мошенники продавали подделки, выдавая их за произведения искусства, незаконно изготавливались фильтры. Остров воплощал в себе столь желанную вседозволенность: давал приют мошенникам и при этом с легкостью избегал имперского гнета. Шершах попускал подобную ситуацию, ибо корабли контрабандистов составляли весомую часть военного флота. Но у Аурелии было другое видение: она хотела уничтожить их всех, иначе зачем еще она так долго шла к власти, училась, столько лет провела на скучном острове невест, мечтая о Тертре. Но при этом Аурелия никогда не забывала о главной цели: став владычицей островов, она решила посвятить себя ей.

Сейчас императрица восседала на нефритовом троне, облаченная в желтые шелка. Стройные ноги ее были опущены в небольшой фарфоровый тазик с морской водой. В воздухе витал запах жженого мусора и сандала – первое было данью традициям, а второе – ее собственное новшество. Аурелия ненавидела запах отбросов; протухшее море приводило ее в искреннее негодование, она всем сердцем скорбела по минувшим временам.

Вошли безликие чиновники, совершив традиционное тройное коленопреклонение с девятью ударами лбом о холодный мрамор. Малейшая ошибка могла стоить им карьеры или даже жизни.

Сегодня Аурелия принимала долгожданную гостью: дочь известного контрабандиста с Черной Каракатицы, иными словами, «мусор», место которому на свалке, но никак не во дворце. Но у императрицы имелся план, который ей не терпелось воплотить в жизнь.

Прибывшая гостья прошла сквозь ряды безмолвных чиновников: широким мужским шагом, уверенно. Подойдя к трону, она совершила необходимый ритуал, но с куда меньшей долей почтения, нежели преданные служащие несколько минут назад. Слуги, по обеим сторонам от трона, отложили опахала и взяли в руки гусиные перья и пергамент, дабы записать разговор.

– Великая госпожа островов, видимых и невидимых, пыль замерла у ваших ног, – низким голосом начала свою высокопарную речь нахальная человеческая особь; выражение дерзкого лица прямо противоречило сказанным словам.

Аурелия впилась в нее испытующим взглядом: на первый заплыв, гостья выглядела посредственно. Излишне загорелое обветренное лицо, пока еще молодое, было покрыто паутиной мелких морщин от прищуривания на солнце – обычная проблема моряков, едко-зеленые волосы с черными заколками из дикульих зубов напоминали щупальца спрутов, подбородок казался слишком жестким и упрямым: он по-мужски выдавался вперед. Но глаза девушки были прекрасны; это Аурелия признала не без доли женской ревности. Они казались глубокими, вдумчивыми и отчаянными, на лазурном дне их сияли настоящие жемчужины: отвага, благородство, доброта. Но стоило ли обманываться на сей счет; не фальшивые ли это сокровища для контрабандистки? Тем более для той, что решилась на предательство? Красный кожаный корсет отлично подчеркивал идеальную, крепко сбитую фигуру, а ожерелье из рыбьих скелетов на груди добавляло образу первобытной дикости. От одного только вида этого сомнительного украшения Аурелию бросило в дрожь, но она, разумеется, превосходно умела собой владеть.

– Великая госпожа островов слушает пыль, – вкрадчивым голосом отозвалась Аурелия, наконец, оторвавшись от созерцания жалкой контрабандистки.

– Пыль говорит, что отдает себя и вверенное ей судно в полное распоряжение госпожи, так как тоже считает отлов дельфинов преступлением.

Аурелия весело усмехнулась. Девчонка вряд ли осмелилась бы пожаловать к ней раньше, однако теперь, после того как вышел ее последний указ, появились и смельчаки. А дело было в щедром обещании императрицы: охотник за дельфинами с Каракатицы, который придет к ней во дворец с повинной, получит безграничную власть над преступным островом и вдобавок мешок фугархамов. Кто лучше самих контрабандистов будет разбираться в том, что творится на острове? Впрочем, далеко не всякий охотник заинтересовал бы Аурелию, но эта девчонка была *той самой*.

– Пыль оказалась смелой и решительной, за что ей будет дарована бамбуковая грамота. Отныне нарекаю пыль безраздельной властительницей острова Черной Каракатицы; документ позволит ей беспрепятственный проход в общественные места и частные владения, проведение допросов, постепенное искоренение туманного рынка, а также организацию ежегодной гонки кораблей. Пыль будет сообщать нам обо всех подозреваемых в преступных действиях посредством бутылочной почты. Мы даруем ей воина-телохранителя, дабы жизнь пыли была в безопасности. Он всегда будет следовать за пылью. Обо всех преступниках следует доносить нам, разбираться с ними – не забота пыли. Но первоочередное задание – гонка.

Человеческая особь на секунду задумалась.

– А я сама могу в ней участвовать?

Императрица кивнула:

– Да. Пыль *обязана* в ней участвовать. В противном случае... Впрочем, это я предлагаю обсудить приватно. Есть нюансы, которые нельзя упускать из виду.

Девчонка почтительно склонила голову. Вряд ли она догадывалась, что ей хотят предложить, но это и не так важно. Борьба с контрабандистами станет лишь ширмой для выполнения другой, очень важной задачи. Хочешь очистить море – начинай с людей.

Глава 10. Кто ловит, тот поймает

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о марлинах? Это крупная морская рыба из отряда окунеобразных. Отличительная его черта – копьевидная верхняя челюсть. Марлин использует её не только для защиты, но и оглушает добычу во время стремительной охоты. Считается одной из самых быстрых рыб в мире.

Пикша стояла на баке и растерянно посматривала на недвижимую фигуру ее новоиспеченного телохранителя Магуро. Если бы она не видела, как трепещут крылья его изящного смуглого носа от прерывистого дыхания, то подумала бы, что увезла из императорского дворца не живого человека, а каменную статую. Но, надо отдать ему должное, статую весьма красивую. Высокий, смуглый, с экзотичным разрезом вытянутых к вискам глаз и чуть припухлыми резко очерченными губами, он вполне контрастировал с островитянами: кряжистыми, желтокожими, бородачатыми. Высокий хвост на самом затылке был такой тугой, что собирал кожу лица кверху и придавал красивым бровям чуть удивленное выражение. По виду – ну точно самурай из древних географических очерков. На бедре у него висел изогнутый меч, или катана, как он сам его любовно называл. Этот предмет, по всей видимости, был ему особенно дорог, ибо он частенько трепетно поглаживал рукоять, отделанную черной дикульей кожей. Правда, подобная привязанность ощущалась исключительно к мечу, а во всем остальном он выглядел как человек, начисто лишенный каких-либо эмоций.

Даже корабельная качка не могла вызвать в нем лишнего движения: настолько прямо и твердо он держался на мускулистых ногах. Сперва Пикша чувствовала в его присутствии смутную неловкость, которая иногда рождается между мужчиной и женщиной, однако спустя какое-то время перестала его воспринимать, как нечто одушевленное. Суровый самурай всегда молчал: очевидно, это было его кредо по жизни, такое же несокрушимое, как и он сам. Чисто механически он справлял нужду в гальюне, с наименьшей невозмутимостью поедая самую жалкую еду, какую только можно вообразить. А еще он тенью ходил за капитаншей, не давая ей побыть одной.

Пикша фыркнула про себя. Тихая гавань стояла сломанных мачт: ради обладания островом можно было закрыть глаза на некоторые неприятности в виде бесчувственного туземца, следовавшего за ней по пятам. У богатства есть свои побочные эффекты. Впрочем, Магуро был далеко не единственной проблемой.

Пикша с наслаждением втянула носом освежающий бриз с примесью отходов: именно так пахла родная земля! Остров Черной Каракатицы грязной кляксой маячил на горизонте: любимый и теперь безраздельно ее! Бамбуковая дощечка от самой императрицы дарила поистине безграничные возможности. Бедный отец сейчас гордится ей, ведь он так этого желал.

Пикша задумчиво смотрела, как рваный берег яркими мазками вырисовывается из зеленоватой дымки. Грустные воспоминания вперемешку с виной нахлынули на нее. Ведь именно здесь детский мир иллюзий впервые дал течь: добрый родитель, чье слово казалось несокрушимой истиной, предстал совсем в ином свете. Единственный друг на ее глазах ушел под воду, но ему никто не помог. Отец слишком легко поверил, будто Эрик утонул, и даже не захотел попытаться... Пикша тогда здорово разочаровалась в Калкане: детская обида впоследствии переросла в желание бороться. Эрик отказался убивать дельфинов, так и она до дрожи возненавидела ремесло контрабандистов и поклялась, что не только навсегда оставит это занятие, но еще и всячески будет противодействовать охотникам. Впрочем, момент все не представлялся, и она продолжала участвовать в сомнительных промыслах вместе с отцом, пока действительно однажды не появилась возможность все бросить. Новая императрица издала славный указ и предложила контрабандистам сотрудничество. Калкан первым услышал об этом, и,

зная о ненависти дочери к их ремеслу, сам посоветовал ей прибыть во дворец. Бедный отец же не представлял тогда, что императрица исполнит далеко не все свои обещания.

Несмотря на детские обиды и недопонимания, Пикша страстно любила Калкана: родителей не выбирают. Никто не защищен от ошибок. И теперь дочь ужасно переживала за отца, тем более что она слабо верила в спасение Эрика. Скорее всего, бедняга ушел на дно, либо оказался в желудке голодной дикулы.

Горячая слеза обожгла щеку, но Пикша не смахнула ее. Пусть уходит прочь, как и дурные воспоминания. Настало время поприветствовать новую жизнь, она начинает ее с чистой волны.

– Ты... плачешь? – Послышался рядом напряженный голос. Пикша вздрогнула, так как еще не привыкла к бесшумным перемещениям Магуро. Надо же, она помимо воли разговорила бессловесное существо!

– Прекрати подкрадываться! – раздраженно буркнула она. Магуро ей не нравился по одной простой причине: тот был соглядатаем императрицы. Именно от его доносов зависело благополучие Пикши, да и не только ее.

– В твоём распоряжении теперь целый остров. Не вижу причин для печали, – заметил самурай почти нежным тоном, но Пикша уловила в нём скрытую издевку. Да что он вообще о себе возомнил! Она хотела было ответить колкостью, но вмешалась Сайра, рыжеволосый боцман.

– Мы почти на месте, капитан! – весело провозгласила она. Подруга обладала изумительным качеством, ибо могла одним своим жизнерадостным голосом прекратить любую хандру. – Истукан сойдет с нами в порт? – добавила та, лукаво поглядывая на невозмутимую фигуру Магуро. Самурай был единственным мужчиной на бригае: после того как Пикша отдала клипер в распоряжение императрицы, она на приобретенные деньги выкупила судно поменьше и наняла девушек: сильных, способных и знающих морское дело. Магуро пользовался бешеным вниманием команды, и если бы он вел себя чуть более живо, то уже давно завел бы гарем.

– Куда он денется, – фыркнула Пикша, с ужасом вспоминая, как в первое время фанатичный самурай всюду пытался сопровождать ее, даже в галюн.

– На острове мы им займемся, обещаю, – лукаво подмигнула подруге Сайра. – А то будет тебе мешать.

Пикша догадывалась, что Сайра только и мечтает им заняться.

Порт Каракатицы явно не подходил слабакам: тошнотворный запах прогорклого рыбьего жира, дыма и гниющих фруктов обволакивал липкой пеленой каждого, кто смел вторгнуться в его владения. Вода в бухте была покрыта радужной маслянистой пленкой, и в ней лениво покачивались облепленные ракушечником обломки: пустые бочонки с торчащими клепками, ящики, полуразвалившиеся рыбацкие лодки, гнилые доски, обглоданные крысами. У самой поверхности лопались белесые пузыри. Наверное, нигде Мусорное море не было таким грязным и дурнопахнущим, как в местной гавани, что, впрочем, придавало ей своеобразную прелесть.

Изящная топсельная шхуна под романтичным названием «Звездочет» проходила сквозь этот кишачий хаос невозмутимо и горделиво, словно лебедь по озеру. Ее стройный корпус казался игрушечным на фоне корявых, заляпанных дегтем корсаров и тяжелых бригантин. Белоснежные паруса, еще не убранные, ловили последние порывы берегового бриза, резко контрастируя с засаленными полотнищами неопрятных соседей. На палубе деловито копошилась команда вполне под стать своему судну: красивые девушки в практичных, но не лишенных изыска блузах и юбках до колен, перехваченных широкими поясами.

– Фок-фал¹⁹ отдать! – бойко скомандовала Пикша, и две стройные фигуры у грот-мачты мгновенно ослабили снасть. Парус с тихим шелестом сполз вниз.

---

¹⁹ Так называют снасть бегучего такелажа парусного судна, которая служит для подъёма фок-паруса, прикреплённого

– Клюзы проверены! Швартовы на выход! Береговой конец принять!

С причала, заваленного пустыми бочками и рыбьей требухой, им лениво кинули грязный, пропахший тиной и дегтем канат. Девушка на носу поймала его багром с грацией умелой фехтовальщицы. Ей не хотелось касаться грязи руками.

– Кормовой – подтянуть! Ровно!

«Звездочет» мягко, без скрежета, придвинулся к гнилым сваям причала, покрытым ракушками и зеленоватой слизью. Пикша облегченно вздохнула.

Добро пожаловать домой.

Вокруг подобно корабельной похлебке клокотала портовая жизнь. С соседнего судна доносилась пьяная песня и звон разбитой бутылки. Где-то ругались из-за дележа улова, что-то тяжелое плюхнулось в воду: то ли мешок с мусором, то ли тело незадачливого буяна.

Несмотря на неприглядный внешний вид пристани, Пикша не сомневалась, что может спокойно оставить шхуну без присмотра – местные никогда не трогали своих, а тем паче они уважали своих женщин. Любопытный парадокс браконьерского кодекса: контрабандисты никогда бы не позволили себе вольного обращения с островитянками, перед которыми они почти преклонялись, а чужих вполне могли избить до полусмерти и продать в рабство. Пикша как раз таки была местной, однако с некоторых пор все изменилось: бамбуковая грамота превращала ее в предательницу. Впрочем, а кому об этом известно, кроме Магуро? Подруги знали лишь о том, что у нее на Каракатице какое-то важное дело.

Команда девушек – умытых, накрашенных, приодетых, сошла на причал. Эту прелестную женскую компанию разбавлял красивый молодой человек, настолько обвешанный оружием, что звенел при ходьбе. Загорелый, напоминающий черта из табакерки на фоне морских нимф, он яростно глазел по сторонам, сражая если не катаной, то взглядом.

«Выдает нас с головой», – пронеслось в мыслях у Пикши.

– Куда сначала? – легкомысленно поинтересовалась Сайра. – Я бы заглянула в «Осклизлую устрицу» к Тухлой Мойве.

– В этот бордель? – искренне возмутилась Навага: яркая противоположность хохотушке Сайре. Педантичная, занудная до скрежета зубов, но зато всегда умеющая трезво мыслить. Впрочем, сейчас Пикша согласилась с Сайрой. Ей хотелось послушать последние сплетни, а Мойва знала все на свете: об одном ей в пьяном бреду докладывали моряки, о другом она догадывалась сама, ибо была в меру проницательна и умна.

– Да, давайте перекусим и отдохнем, – подытожила Пикша.

– Угостишь нас в таверне, красавчик? – игриво воскликнула Сайра, взяв под руку их молчаливого спутника. Магуро крикнул что-то нечленораздельное.

По скользкому причалу морячки направились к самому задымленному и шумному питейному заведению на берегу. Шлейф густой вони сопровождал девушек всю дорогу: теперь к нему примешивался запах прокисшего пива, горелого жира, рвоты и немытого тела.

Таверна представляла собой довольно жалкое сооружение на сваях, слепленное, видимо, из всего, что нашлось под рукой: кривых бревен, обломков корабельных досок, кусков ржавого железа. В некоторых деталях это даже доходило до абсурда: например, занавески на круглых окнах были смастерены из чьих-то пожелтевших панталон. Крыша знатно проседала, у входа валялись пустые бутылки и объедки, в которых алчно копошились крысы. Зеленоватые волны омывали уродца со всех сторон, что, впрочем, никак не помогало тому выглядеть чище. Не очень гостеприимное заведение, но небо заволакивалось тучами, погода портилась, им нужно было укрытие.

– Давненько мы тут не были, – хохотнула Сайра и бесстрашно распахнула хлипкую дверцу, которая больше походила на крышку гроба. Дикий гвалт неприятно отозвался в бара-

банных перепонках; внутри было темно, дымно и тесно. Дешевые сальные свечи коптели заросший густой плесенью потолок, а у стены горела дымящаяся жаровня, где на вертеле запекали аппетитного сома. На вошедших не обратили бы никакого внимания, если бы Магуро не учудил. Совершенно неожиданно он вдруг бросил свой меч на проходе и несколько раз истово поклонился в пол. Завсегдатаи таверны подняли на экзотичного посетителя осоловевшие взгляды, в которых, впрочем, сквозило некоторое беспокойство. Соотношение количества оружия на одного человека явно впечатлило даже самых заядлых разбойников.

– Немедленно подними! – прошипела ему на ухо сердитая Пикша. Тот нехотя подчинился.

– Ритуал, – бесстрастно бросил он.

К гостям уже спешила хозяйка заведения: полная и очень красивая женщина в длинном платье из красного бархата. Над ее изящной верхней губой была прорисована кокетливая мушка. Дама чуть не задушила девушек в своих парфюмированных объятиях, однако сурового Магуро лобызать она не отважилась.

– Сколько приливов, сколько отливов! Почему не заглядывали к старухе Мойве?

Пикша весело хмыкнула. «Старуха» немного кокетничала, ибо выглядела лучше иных молодых дев.

– А что это за людоед с вами? – поинтересовалась Мойва, с кокетливым любопытством осматривая самурая. Тот ожесточенно просверлил ее взглядом, всем своим необузданным видом подтверждая готовность немедленно употребить в пищу любого, кто осмелится его задирать.

– Парень мой, подобрала его в порту. Люблю экзотику, – не моргнув глазом соврала Сайра.

– А, ну как же, – неопределенно фыркнула Мойва, которая, судя по всему, совершенно не поверила в подобную бессмыслицу. – Садитесь, дорогие. У нас новое барное меню, есть весьма экзотические коктейли.

Пикша приподняла брови.

– Со вкусом желчи, соплей, крысиного помета и...

Навага истерически схватилась за живот.

– Нам этого добра и в море хватило, – заметила Пикша.

Они сели за единственный свободный стол, и вот тогда Пикша ощутила на себе жадные мужские взгляды. Одни были брошены исподтишка, другие дерзко прожигали насквозь. Остров Черной Каракатицы считался выгодным местом для барышень, ибо здесь проживало куда больше мужчин, чем женщин. Контрабандисты глазели, но не более – ведь они прекрасно знали Пикшу. Девушки из ее команды тоже были родом с Каракатицы, хотя и жили уже на других островах.

Пикша встретилась взглядом с одним из посетителей – он жадно ел из миски руками и теперь вытирал засаленный рот своим и без того грязным рукавом. Пикша слабо представляла, чтобы она могла позволить себе свидание хоть с одним из местных завсегдатаев. Насквозь просоленные, бородатые, пропахшие потом и дешевым табаком, грубые, точно одичалое зверье. Они относились к той породе людей, в которых все добрые чувства уже давно притупились, а ростки чего-то светлого нечем было поливать, ибо их источники, увы, навсегда иссякли. На Магуро же вообще поначалу тарасились как на иноземную диковинку, но он сидел так неподвижно, что вскоре начал сливаться с мебелью.

Когда Мойва принесла им дымящиеся коктейли со сверкающей в темноте жидкостью, Пикша нетерпеливо схватила ее за рукав.

– Что нового на острове?

Мойва тяжело плюхнулась рядом с ними.

– Да все так же, девочки. Одни пожирают других – и так до бесконечности. Круговорот дикул в природе.

– Ты по-прежнему самая богатая? – поддела подругу Сайра, но Мойва вдруг сникла.

– Налоги на острове растут, а расходы огромные. Недавно пришлось дельфиний фильтр приобрести – думала, придется себя продавать, чтоб расплатиться. У нас тут все постепенно беднеют, кроме разве что... Старого хрыча Марлина. Вот уж кому нищета точно не грозит, – последнюю фразу Мойва выдала с явной завистью.

– Не припоминаю его, – задумчиво отозвалась Пикша. – Что за субчик?

– Отвратный тип, вроде ничего особенного не делает, а кошель его растет как на дрожжах. Живет за три лодки от моей «Устрицы». Уродливый, старый, но говорят, руки у него золотые... – здесь Мойва прервалась и как-то гнусно хихикнула.

– А чем промышляет?

– Да плотник он, корабли чинит со своим помощником. Только явно что-то нечисто у них; я дерьмо за версту чую, недаром я Тухлая Мойва! Все девки со своими посудинами к ним повадились, точно на червяка. А расценки у-ух, как до дна моря.

– Нам как раз нужно немного подлатать «Звездочет».

– К ним идти не смей. Обчистят, как раковину, а жемчужину себе в рот положат.

Пикша неопределенно качнула головой. Когда ей что-то запрещали, то из упрямства хотелось сделать наоборот. Но и не только это. Все-таки она выполняет задание императрицы. Пикша резко поднялась с места, чем вызвала судорожное дерганье ее злосчастливого телохранителя; многочисленные мечи и кинжалы на одежде затряслись, точно бубенцы у коровы.

– В уборную, – рявкнула Пикша на него. Магуро с явной неохотой вернулся на лавку.

Пикша лукаво подмигнула Сайре; они еще загодя обо всем договорились. Сайра обещала отвлечь Магуро, пока она... А что она?

Минуя полупьяных матросов, Пикша прошла в сторону темной уборной, где находилась потайная дверь. Открыв ее, она оказалась на небольшой площадке – своеобразной веранде на свежем воздухе. Место, которое при иных обстоятельствах могло выглядеть даже романтично – в брызгах непокорных бурунов, открытое вольным ветрам, но увы, сейчас оно представляло собой такую же помойку, как и все вокруг. Гости не выходили на эту веранду, а Мойва использовала ее не совсем по назначению, ибо выкидывала сюда требуху и помои. Погода окончательно испортилась: начался дождь.

Наконец-то долгожданная свобода. Она может немного отдохнуть от своего назойливого сопровождающего. Пикша надеялась на несколько дней заглянуть к себе домой. Слава морскому владыке, Сайра согласилась немного понянчить самурая. Хихикнув от этой мысли, Пикша направилась в сторону, противоположную от своего дома. Любопытство и долг гнали ее к таинственному плотнику, который по какой-то причине брал с остальных больше денег, но при этом не лишался своих клиентов. Может, это тот самый ключ, который ей нужен?

Задумавшись, Пикша брела по берегу, который, впрочем, сложно было окрестить таковым. Скорее, это была свалка: под ногами хрустели разбитые раковины, перемешанные с осколками бутылок, обрывками гнилых сетей и костями неопознанных тварей. Берег упирался в верфь – или, вернее, в то, что от нее осталось. Некогда шумное место постройки и ремонта судов походило теперь на кладбище кораблей под открытым небом. Гигантские, почерневшие от времени и влаги корпуса судов уныло лежали на боку, врасая в грязь, словно мертвые киты. Ребра шпангоутов²⁰ протяжно сипели и стонали под напором шквального ветра. Пикша в удивлении замерла. Нет, ее отнюдь не поразил беспорядок, царивший вокруг, просто во всеобщей атмосфере крылось нечто выбивающееся из общей картины.

---

²⁰ Поперечный элемент корпуса судна, обычно в виде изогнутой балки. Служит ребром жёсткости бортовой обшивки (между днищем и палубой), обеспечивающим сохранение её формы.

Посреди хаоса возвышался особняк того самого богатого плотника, слишком роскошный для местных краев. И вот это действительно поражало. Маленький замок с остроконечными шпилями и кокетливыми башенками – таких домов отродясь не строили на Каракатице! Поражаясь про себя, Пикша миновала огромный корпус фрегата, застрявшего на стапелях²¹. У самого днища, под жалким навесом из пробитых парусов, тускло горел факел. Пикша приближалась к нему со странной смесью чувств: с одной стороны, ей было ужасно любопытно посмотреть на старого Марлина, того, кто умудрился сколотить в условиях конкуренции целое состояние. С другой – обычно отважной капитаншей вдруг овладел страх: мучительный, пронизывающий насквозь, как здешние гнилые ветра. С некоторым малодушием она даже на секунду пожалела, что оставила команду в таверне, а сама предпочла одиночество.

Пикша видела громадную фигуру, склонившуюся над верстаком. Ей во всех красках представился этот эпатажный старик: наверняка он был горбатый, одноглазый, а лицо его напоминало дубовый корень. Марлин фанатично работал, невзирая на бушевавшую стихию: казалось, он и сам принадлежал ей. А когда он стремительно поднялся на ноги, зажав в руке инструменты, Пикша чуть не вскрикнула от страха. Кто же этот зловещий старик? Вдалеке глухо ударил гром, словно дурное предзнаменование. Впрочем, с возрастом Пикша явно поспешила – это был не старик, а юноша.

Резким шагом плотник вышел на пирс, сложенный из мореных бревен. Он остановился у самого края, глядя на море: злые ветра секли ему прямо в лицо, но парень стоял так твердо и уверенно, словно его привинтили к доскам. На нем не было рубахи, лишь одни холщовые брюки, заправленные в франтоватые сапоги с пряжками, – и это в такую погоду! Пикша невольно запахла в плащ; ей сразу стало холодно. А незнакомцу все было нипочем! Статный, горделивый, с мускулистой спиной и развевающимися, как парус волосами, он казался воплощением мужественности. Дождевые капли медленно стекали по рельефной спине, гипнотизируя и притягивая взгляд. Поистине Пикше почудилось, будто перед ней стоит сам морской владыка во плоти – он повелевал штормом, заговаривал стихию. Забавно, что она сперва приняла его за Марлина. А еще в нем угадывалось нечто знакомое. *Неужели?*

Пикша растерянно пошла по причалу и замерла в нескольких шагах от красавца. Она была уверена, что двигается бесшумно, но тот каким-то немислимым образом вычислил ее появление.

– И как вас занесло на верфь в такую погоду? – приятным голосом поинтересовался он и резко обернулся. Пойманная врасплох, Пикша неловко вздрогнула. Хоть она уже была готова к этому, все равно ощутила себя как во время качки: опора словно бы ушла из-под ее ног, а из груди вырвался испуганный всхлип. Перед ней предстало лицо мертвеца.

---

²¹ Сооружение для постройки или ремонта торгового судна или военного корабля и его спуска на воду.

Глава 11. Рыбака по лодке узнают

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о звездочете? Это семейство окунеобразных лучеперых рыб, у которых глаза расположены на макушке (отсюда и название). У рыбы есть электрические органы, способные генерировать слабые электрические разряды, – это помогает защищаться от хищников.

Скверная картина из прошлого камнем тянула ее ко дну, Пикша задыхалась.

Она вновь стоит на палубе «Аурелии». Ее беззащитный друг только что узнал правду о предательстве. Лицо его носит отпечаток боли, а он сам такой одинокий и несчастный, стоит посреди голодных шакалов, в чьих огрубевших сердцах уже никогда не появится сострадание к ближнему. Как жаль, что ничего нельзя ему рассказать, объяснить! Вдруг палуба качнулась, и бедняга навеки исчезает в море.

– *Н-е-ет!* – иступленно кричит она, готовая последовать за лучшим другом. Но отец силой удерживает ее.

– *Не смотри вниз, малышка.*

И Пикша снова кричит «нет», захлебываясь в собственных слезах.

А потом она очнулась и увидела склоненное над собой решительное лицо, очень знакомое, между прочим. Взгляд штормовых глаз казался обеспокоенным, однако, увидев, что она пришла в себя, плотник самоуверенно бросил:

– Странно, обычно от девушек я слышу нечто другое.

О, она вполне могла себе это представить. И если со спины ей уже довелось восхититься его мужественной красотой, то и вид спереди отнюдь не разочаровывал. Глаза цвета моря, но не нынешнего, ядовито-зеленого, а древнего, первозданного, излучали внутреннюю силу. Фиолетовая прядь небрежно спадала на лоб, лицо еще совсем юное, с резко очерченными скулами и красивой линией губ – все в нем казалось совершенным. Пикша хотела было радостно вскрикнуть и повиснуть у него на шее, однако какое-то соображение остановило ее от поспешного шага. Между тем Эрик, кажется, не узнал ее.

– Идите на берег, пока вас не смыло волной, – грубовато приказал он, внимательно осмотрев ее с ног до головы. Ей показалось, или в его темно-синих глазах на секунду промелькнули искорки интереса?

– Я... Вообще-то, я ищу хозяина верфи, Марлина, – выдала Пикша первое, что пришло ей на ум.

Красавец легко пожал плечами.

– Зачем он вам понадобился?

– Хочу привести в порядок свою шхуну после дальнего плавания.

– Тогда вы оказались в нужном месте, – неожиданно дружелюбным голосом произнес плотник и протянул ей руку – широкую и могучую, точно весло:

– Меня зовут Эрик, и я лучший мастер на этом острове.

Пикшу весьма позабавила мальчишеская самонадеянность в его голосе, но она даже не улыбнулась.

– Говорят, вы с Марлином дерете втридорога, – заметила она, внимательно считывая каждую эмоцию на его лице. Как же Пикша была рада его видеть! Значит, выжил, несмотря ни на что, а она сомневалась!

– Кто сеет скупое, тот скупое и пожнет, – глубокомысленно изрек нахал.

– Когда вы будете готовы взяться за работу?

– Да хоть завтра. Приходите утром, часам к шести. Люблю начинать с рассветом.

– Хорошо, – сама не зная зачем согласилась Пикша.

– Как вас зовут?

– П... Пиранья, – на ходу придумала Пикша и улыбнулась, показав ему острые зубки. Пусть не рассчитывает на легкую наживу.

– До встречи, – подмигнул ей плотник, скалясь в насмешливой ухмылке.

***

Пикша пребывала в смешанных чувствах. Ей было ужасно обидно: лучший друг детства даже не потрудился узнать ее! Но пока это неплохо. В самом деле, что Эрик думает про нее? Ничего хорошего, это уж точно. Возможно, он теперь люто ненавидит ее, и, как знать, помышляет о мести? Впрочем, ей следовало вновь подружиться с ним, ремонт «Звездочета» станет отличным предложением.

Размышляя подобным образом, Пикша решительно побрела обратно в сторону таверны. Ей страстно захотелось поделиться с подругами своей неожиданной встречей. А также им нужно пригнать шхуну для починки и определиться, где они будут ночевать. У Пикши, конечно, имелся свой дом, смастеренный из перевернутой лодки ее деда: крайне неказистое и тесное помещение, которое вполне ее устраивало. Но она не хотела приводить туда Магуро; ей казалось, что посредством молчаливого самурая императрица наблюдает за каждым ее шагом, а Пикше не хотелось все время висеть на крючке. Стало быть, они арендуют на пляже небольшой домик для всей их компании.

На следующее утро Пикша с тремя подругами и самураем стояли на пирсе; ночная буря выдохлась, оставив после себя влажность, от которой одежда неприятно липла к коже. Смерд гнили и ржавчины усилился, а мусора на местных пляжах прибавилось.

Эрик проворно перемещался по «Звездочету», с невероятной тщательностью рассматривая каждую деталь, а девушки, в свою очередь, так же тщательно и нисколько не стесняясь рассматривали благообразного плотника, не в силах оторваться от подобного зрелища.

– Ты говорила, он друг детства, не так ли? – шепнула ей на ухо Сайра. Она как-то очень быстро охладела к Магуро. – Только друг и ничего больше?

– Да... То есть, почему «ничего больше»? – заартачилась Пикша.

– Пусть сначала вспомнит, как тебя зовут. А я пока ему сама представлюсь, – с этими словами вредная Сайра кокетливо помахала Эрику рукой, когда тот случайно бросил на них взгляд.

– Странно, что Мойва окрестила его старым уродцем, – протянула Навага.

– Она и себя старухой называет, наверное, уже впала в маразм.

– Мойва говорила про Марлина...

– А почему у него такие чудные фиолетовые волосы? – пискляво поинтересовалась Щука, которая во всем умудрялась находить отрицательные стороны.

– В детстве окунули в таз с чернилами каракатицы – с тех пор не меняю цвет, – совершенно серьезным тоном произнес Эрик, хотя синие глаза его смеялись. Оказалось, что благообразный плотник успел подойти к ним, а они были столь увлечены спором, что не заметили этого! Пикша почувствовала, как щеки вспыхнули огнем. Подруги тупо уставились на его оголенный торс: сегодня, как, впрочем, и вчера, он не подумал накинуть что-то на плечи, плотник явно не отличался скромностью.

– Вам о-очень идет фиолетовый! – так слащаво протянула Сайра, что Пикше страстно захотелось отправить ее в зловонное море.

– Что там с нашей шхуной? – ледяным тоном поинтересовался самурай, очевидно, устав от их куриной болтовни. Эрик сделал грустное лицо и похлопал длинными ресницами, – кстати, последнее действие произвело поразительный эффект на всех, кроме, разумеется, Магуро.

– Все очень плохо, – спустя минуту показательного молчания, признался плотник.

– Вот как? – с откровенной иронией произнес самурай. Пикша удивленно покосилась на телохранителя, она и не предполагала, что тот способен говорить столь эмоционально.

– Не верите? – с такой же насмешливой интонацией вернул Эрик ему и махнул рукой.
– Идем за мной, я покажу.

Они гуськом потянулись за ним, напоминая несмышленных утят. Перед глазами у них маячила гибкая бронзовая спина, и, наверное, они вряд ли были способны трезво рассуждать в эту минуту. Хорошо, что с ними пошел Магуро.

– «Звездочет» находится в отменном состоянии, – холодно заметил самурай. – Ему не требуется починка, а лишь косметический ремонт.

Эрик обернулся и омыл того с ног до головы пронизывающим взглядом.

– Чем вы занимаетесь? – вдруг беззлобно поинтересовался он.

Магуро без слов выхватил из ножен катану и легонько взмахнул ей в воздухе, полагая, что подобный ответ окажется красноречивее любых слов.

– Вы рубите головы с плеч, а я – дерево, – весело отозвался Эрик. – И, мне думается, в вопросах ремонта кораблей я куда опытнее вас.

С этими дерзкими словами плотник ловко запрыгнул с пирса на палубу шхуны. Движение было легким и мощным, как у крупного хищника. Он обладал прирожденной грацией движений, и было весьма занятно наблюдать за тем, как он эффектно пробирается по палубе. Эрик остановился у мачты, картинно постучал костяшками пальцев – звук был глуховат. Затем на какое-то время скрылся в трюме, лишив зрительниц красочного представления.

– И чего он копается? Ведь «Звездочет» и правда как новенький! – возбужденно воскликнула Сайра.

Наконец, плотник появился, держа в руке кусок обшивки – доску, которая выглядела целой снаружи, но с внутренней стороны была рыхлой, темной, почти рассыпающейся в пальцах. В другой руке Эрик держал несколько медных заклепок, покрытых зеленой окисью.

– Доски гнилые в трех местах по левому борту. Под ватерлинией. Их не видно, пока обшивка не провалится под ногой или волна не сдерет кусок. Медь отслаивается. Держится на честном слове и старой смоле.

С этими неутешительными выводами Эрик подошел к корме и ткнул пальцем в почти невидимую трещину у ахтерштевня²².

– Старая трещина. Ее замазали, но не вырубил и не залатали намертво. После следующего серьезного удара волны – разойдется.

Плотник перечислял дефекты быстро, уверенно и без лишних слов; по всему было видно, что он прекрасно разбирается в своей работе. Покуда он говорил, их новенькая шхуна подзрительно скрипела и стонала, словно взаправду сделалась дряхлой больной старухой, которой уже вряд ли поможет лечение. Казалось, даже палуба приобрела мертвенно-серый оттенок.

Пикша не могла в это поверить! Между тем факты говорили сами за себя. Эрик наглядно продемонстрировал все свои слова.

– И... Что нужно делать? – растерянно пробормотала она.

– Полный ремонт, замена гнилых досок обшивки, переклепка медного покрытия на трети корпуса. Вырубка трещины в киле и накладка стальной заплаты. Обработка защитным составом.

Эрик произносил свою речь так, будто зачитывал им обвинительный приговор.

– Сколько это будет стоить? – с любопытством поинтересовалась Пикша, хотя уже заранее догадывалась, каким будет ответ. Но даже ее проницательности оказалось недостаточно, ибо сумма вышла поистине запредельная.

---

²² Задняя часть корабля (судна) в виде жёсткой балки или рамы сложной формы.

– Пятьсот фугархамов, – безапелляционно выдал мастер. Сайра громко ахнула, не сдержав эмоций, Навага вытаращилась на него как рыба фугу.

– Грабеж, за эти деньги мы можем купить новую шхуну! – возмущенно воскликнул Магуро.

– На Каракатице навряд ли. Здесь стоимость чего-то приличного начинается от тысячи, – безразличным тоном отозвался Эрик.

– Сколько вам нужно времени?

– Три недели минимум. Если гниль не пошла глубже, чем кажется. И если найду хорошую древесину для килевой заплаты. И у меня есть еще одно правило: оплата вперед. Половина сейчас, половина – перед спуском на воду.

Денег у Пикши было предостаточно: она еще не до конца растратила щедрый подарок императрицы. Но все же... Может, им стоило обратиться к другому мастеру? А как быть с предлогом вновь подружиться с Эриком? Растерянность, видимо, слишком явно отразилась у нее на лице, ибо тот раздраженно хмыкнул.

– Решайте быстрее, у меня полно работы, – отрывисто бросил он. Что-то странное промелькнуло в его голосе, Пикша даже не могла сказать точно, что именно. Да и вообще он представлял собой интересный контраст: то был с ними любезным и заигрывающим, то безжалостным и суровым. Какой же плотник на самом деле? Пикша колебалась, однако нетерпеливый взгляд красивых шквальных глаз подгонял ее быстрее принять решение, он очаровывал и сулил наслаждения, о которых Пикша пока имела довольно смутное представление. Эрик словно смотрел на нее со дна моря, такими глубокими и темными казались его зрачки.

Тогда она сделала то, чего от себя точно не ожидала. Вытряхнула сапог и протянула ему монеты.

– Это глупо! – активно запротестовал Магуро.

– Я знаю, что делаю, – отрезала Пикша, хотя на самом деле она совершенно не понимала себя в эту минуту. Мимолетный каприз: ей страстно захотелось, чтобы именно Эрик починил ее шхуну, в этом все дело. И даже если бы он запросил тысячу фугархамов, она вряд ли смогла бы ему перечить, так как уже находилась под его влиянием. Дело было не только во внешности; Пикша чувствовала перед бывшим приятелем смутную вину, которую ей хотелось каким-то образом искупить.

Когда они впятером шли по берегу, направляясь к арендованному дому-лодке, нахмуренный самурай выглядел чернее полиэтиленового пакета. Зато все остальные находились в необъяснимой эйфории. Да, пусть плотник развел их на кругленькую сумму, зато как-о-ой плотник!

– Он грязный мошенник, я это чувствую, – не желал принимать поражение Магуро.

Сайра мечтательно вздохнула:

– Если бы все мошенники выглядели так безупречно, я бы оставляла свою лачугу незапертой.

– У тебя там все равно нет ничего ценного, – поддела ее Навага.

– Кроме меня самой. Но это добро я с удовольствием отдам на разграбление.

Они весело засмеялись, повергнув Магуро в еще более мрачное настроение. Пикша с интересом покосилась на него: самурай ведь с самого начала отчетливо понимал, что у них с Эриком один путь, однако отчего-то всячески этому противился.

Глава 12. День ремонта кормит месяц промысла

Памятка для людей, островная энциклопедия вымерших видов.

Что людям надо помнить о вобле? Это вид лучеперых рыб. У воблы вытянутое тело, покрытое мелкой чешуей. Рыба предпочитает водиться в теплых водоемах. Перед зимней спячкой вобла покрывает себя густой слизью, которая выделяется из особых желез.

На следующее утро Пикша решила побродить по туманному рынку, послушать последние сплетни. Для нее это представлялось полезным в первую очередь из-за миссии, возложенной на ее плечи императрицей. Магуро, разумеется, не мог отпустить ее одну.

Туманный рынок... Поистине это колоритное место было средоточием всей жизни острова. Он начинался незаметно: вроде идешь по обычной улице – грязной, неприбранной и пустынной, а потом, сам того не желая, оказываешься в бурлящем котле сплетен, бойкой торговли и ошалелых криков. Бесчисленные домишки с лавками на первых этажах и жильем наверху, сколоченные из обломков кораблей, бочек и костей рыб. Извилистые улочки, похожие на кишки кита. Повсюду гирлянды из светящихся рыбьих пузырей, привязанных к ржавым канатам – таким представало это необычное место чужеземным купцам, приехавшим сюда торговать. Но узнать одну любопытную особенность рынка доводилось лишь тем, кто пробыв на нем до самого вечера: каждый день в определенный час непроницаемый туман окутывал местный базар, и вот тогда разглядеть что-либо дальше соседнего прилавка становилось действительно сложным предприятием. Именно в ночное время на рынке совершались противозаконные сделки, повсюду шастали наемные убийцы, не боясь карающего правосудия, промышляли отравители и бунтари, прохаживались вульгарно одетые дамы, предлагающие морякам приятные моменты. Туман скрывал все низменные порывы человеческой души, являясь своеобразной ширмой для темных дел. Но днем здесь было вполне пристойно.

Пикша уверенно зашла в нутро местного базара; она превосходно знала все его переулочки и могла отыскать нужного торговца даже с закрытыми глазами. Магуро бесшумной тенью скользнул за ней: сосредоточенный, тревожный, стреляющий по сторонам выверенными взглядами, похожими на взмах катаны.

На кособоком прилавке, покрытом липкой синей тканью, лежали дельфиньи фильтры: изящные спирали из костей серебряных афалин и перламутра, пульсирующие слабым голубым светом. Старик, с высохшим как лимон лицом и глазами мертвой дикулы, вкрадчиво нашептывал что-то покупателю. Сморщенной рукой он выразительно поглаживал фильтр. Хороший, ценный товар, но продавать такое по новым законам императрицы без специального разрешения было запрещено. Пикша мысленно постаралась запомнить старика. На другом прилавке лежали отполированные дикулы зубы, использовавшиеся в качестве декора, необычные катушки и снасти для удочек из латуни и ржавого железа, красочные карты с несуществующими островами, мерцающие в полумраке камни, склянки с ядовито-зелеными чернилами каракатиц, – целая сокровищница предметов, по сути, бесполезных, кроме, разве что фильтров. Одноногие контрабандисты с абордажными крюками на поясах, юнги с вороватыми взглядами, франтоватые капитаны в потертых камзолах, и, наконец, контрабандисты, скрывающие свои лица под капюшонами, – все как один жадно глазели на истинную драгоценность. Наверное, люди уже смутно догадывались: воде лучше пребывать в чистоте, равно как и мыслям. Но до них пока совершенно не доходило, что чем быстрее они разберутся со вторым пунктом, тем скорее все наладится с окружающей средой. Подобное рассуждение впервые пришло в голову Пикше. Раньше она никогда не задумывалась, почему же их море стухло, но сейчас, вернувшись на туманный рынок уже не в качестве контрабандиста, пытающегося побыстрее сбыть товар и навариться на этом, а в роли инспектора, борца за чистоту, она вдруг посмотрела

на ситуацию под другим углом. В сущности, именно люди во всем виноваты: моря не портятся сами по себе, да и мысли гниют исключительно по воле того, кто их производит.

Возле бара «Хмельной кракен», сделанного из гигантского черепа кашалота, на перевернутых бочках сидели завсегдатаи и шумно обсуждали последние сплетни. К импровизированным столикам подводились черные трубки: через них в стаканы заливалась мутная жидкость, пахнувшая икрой. Островитяне без остановки пили, а иногда прямо из шланга. Потом, когда они смеялись, сильно разевая глотки, из ртов у них валил красноватый дым. Иногда пьянчужкам подносили дымящуюся еду на скорлупе гигантских моллюсков, тогда моряки, отставив стаканы, принимались громко чавкать.

Пикша аккуратно присела на бочку, Магуро повторил ее движение. Хмыкнув, она дотронулась пальцем до живого саморазворачивающегося меню с напитками и погрузилась в чтение. Иногда Пикша отвлекалась, скупно кивая в ответ на приветствия. Ее здесь отлично знали, но никто не догадывался, что она уже никогда не будет промышлять дельфинами.

– Попутного ветра, красавица, – отвратительно-сальным голосом раздалось у нее над ухом. Пикша вздрогнула и подняла голову: рядом с ней, ближе, чем того позволяли приличия, примостился один из ее старых знакомых – плюгавый капитан «Ядреного Мерина». Его звали Воблой, и он вполне оправдывал свое имя, ибо был высушенным до такой степени, что можно было пересчитать все его ребра. Глядя на него казалось, что его лососевая улыбочка смердит.

– И тебе, Вобла, – фыркнула Пикша.

– А что это за девочка с тобой? Подружку себе нашла? – Он скосил на самурая пренебрежительный взгляд. Пикша внутренне напряглась, так как побоялась, что Магуро ответит на оскорбление и начнется потасовка. Но, к счастью, благоразумный телохранитель сидел, не шелохнувшись, словно унижительные слова его вовсе не касались.

– Смотри, как бы он ни вспорол тебе брюхо мечом, – иронически заявила Пикша, решив разрядить обстановку. Вобла шутливо поднял руки, показывая, что капитулирует. Какое-то время они молчали, затем он продолжил праздный допрос:

– Как охота? Все трюмы своей посуды набила?

– Не густо, но и не пусто. Посудина на починке.

– Кто мастер?

Пикша помолчала немного: ее жутко раздражала прилипчивость приятеля, с другой стороны, она могла выяснить нечто полезное для себя.

– Марлин.

Лицо Воблы вытянулось и даже как будто позеленело, а нос сделался похожим на клюв.

– У М-а-а-а... – многозначительно протянул он, театрально зависнув на одной гласной.

– А что такое? – сухо поинтересовалась Пикша. Тот пожал плечами, загадочно храня молчание. Зато сидевшие рядом контрабандисты прекратили беседу и вмешались в их разговор:

– Мошенники! Они со своим фиолетовым отродьем на пару мутят. Столько уже честных островитян облапошили!

При этих словах Магуро показательно фыркнул, что невероятно оскорбило Пикшу.

– Это кто же здесь честный, вы? – язвительно поддела контрабандистов она.

Те засмеялись. – Давай, расскажи им, Вобла, про эту парочку.

– А что я? Не очень-то я люблю осуждать за глаза людей, – проговорил капитан «Ядреного Мерина», лукаво покосившись на Пикшу.

– Да брось! На днях ты им славно косточки перемыл, мы все помним.

Вобла упрямо помотал головой, показывая тем самым, что не произнесет ни слова. Тогда остальные принялись рассказывать, перебивая друг друга.

– Слышали про шхуну «Креветка»?

– Рыженькой капитанши, как бишь ее, Требухи?

– Ага. Так вот, Марлин им впарил полный ремонт за сумасшедшие деньги... Сказал: гниль, киль треснул... А мой приятель, который на той самой «Креветке» юнгой был, клянется – шхуна крепче скалы!

– Да всегда он так делает, только и знает, что брехать! Раньше ведь Марлин честным был, концы с концами едва сводил, за лишний фугархам готов был удавиться. А теперь ему фиолетовое отродье денежки зарабатывает, девки тащатся от него. Только и бегают, лишь бы чего подлатал.

Раздались пошловатые смешки.

– Конечно. Отродье же мастер на все руки. Только я бы их ему переломал с огромным удовольствием. Появился невесть откуда и стрижет честных островитянок как овец. Он должен за все ответить!

Пикша больше не желала выносить эти красные пропитые рожи, обезьяньи кривлянья и клевету на лучшего друга. Она резко поднялась с бочки, а Вобла, видимо, пожелал ее остановить и неловко обхватил за талию. По местным нравам это действие не считалось чем-то излишне неприличным или вульгарным, однако Магуро оценил ситуацию по-своему. Никто даже не успел уловить какого-то угрожающего движения с его стороны, но Вобла вдруг очутился перед ним на коленях, рыдающий и убеждающий всех в том, что обезумевший туземец сломал ему руку. Секунду все растерянно смотрели на эту странную мизансцену, а потом к Магуро подскочили блюстители порядка, вооруженные бамбуковыми палками и живыми кандалами. Увы, на туманном рынке всякого рода драки пресекались весьма строго. Теперь нарушителя до вечера продержат в изоляции, согласно местным правилам. Магуро больше не сопротивлялся. Только когда его уводили, он стрельнул укоряющим взглядом в сторону Пикши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.